

К 1021994

Н. Загумкин

Северные Были

Н. Задушкин
**Северные
Были**

Травку Никитовскую
Виноградную, колесо по
гаджене, с гурбони уланского
от австра. От души
25/21-7/2.
Никитовскую

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 7 1

«Северные были» Н. Задумкина рассказывают о борьбе северян за Советскую власть, о любви народной к В. И. Ленину.

Есть в этой книге и яркие страницы о бесстрашных советских патриотах-разведчиках, выполнявших сложные задачи в тылу врага в годы Великой Отечественной войны, — Любе Лебедевой, Филиппе Михайленко и Дусе Голубенко. О них читатель узнает из документальной повести «Северянка».

СЕВЕРНЫЕ БЫЛИ

КОМИССАР ИВАНОВ

На Северном,
Пинежском фронте,
В низинах болотистых
мхов,
Бьются герои
за правду,
За счастье грядущих
веков.

(Из песни бойцов Северного фронта)

Конец осени 1919 года. Район станции Плесецкая...
Промерзшая и чуть прикрытая снегами земля стояла под кованым башмаком интервентов и копытами белогвардейской конницы. Одно из подразделений полка добровольцев-вологжан, специально сформированное для скорейшей ликвидации Архангельского фронта, отражало натиск целой вражеской части. Цепи озверевшего противника волнами скатывались по косогору, и чем ниже они спускались, тем гуще казался их строй. В окопе, вырытом наспех, невдалеке от свинцово блестящей омутистой Мехреньги, кто-то тяжело вздохнул, но тут раздался хриплый, простуженный голос командира:

— Держаться до последнего!

— Держаться до конца! — приглушенно пронеслось по редкой цепи красноармейцев.

Замысел врага был предельно ясен: смести, раздавить, утопить в стылых омутах эту горстку красноармейцев. И тогда путь на Плесецкую, железнодорожную станцию, будет свободен. А там Няндомы, Вологда, безостановочное движение дальше, на юг, разгромы городов и деревень, грабежи и убийства.

Бойцы подразделения, если можно назвать подразделением эту горстку добровольцев, большинство из

которых были рабочие-большевики Вологодских железнодорожных мастерских, отвечали на отчаянную пальбу белых редкими выстрелами: берегли патроны, стреляли только по цели, наверняка.

«Победа или смерть!» — таков был их железный девиз.

Зловещие дымки выстрелов в цепи врага вспыхивали белыми облачками. Пули жалили песчаный бруствер окопа красных.

Из-за лесистого холма вырвался эскадрон белых. Задрожала под копытами хлипкая болотистая земля. И все равно цепь красноармейцев, выгнувшаяся теперь уже полукольцом, клятвенно повторяла:

— Держаться до смерти!

Погиб командир, все меньше оставалось бойцов. Внезапно опустившаяся ночь заставила врагов прекратить атаки. На поле боя стонали тяжелораненые, хрипели умирающие кони. Красные бойцы в своем окопе перевязывали раны, зарывали в землю погибших. Они знали, что ночью противник не пойдет в атаку, и эта ночь может их спасти. Что стоит переплыть в сплошной темени не такую уж широкую речушку и скрыться в глухих северных лесах? Но отступить нельзя. Надо выстоять, сдержать врага до подхода красных отрядов. Они ждали, что подкрепления идут, но не ведали, близко ли, далеко ли.

Ночь прошла без сна. Комиссар, теперь ставший и командиром отряда, обошел бойцов, пересчитал: маловато осталось.

Занялось серое утро. Зябкий онежский ветер разогнал туман и со стороны врага ударила пушка. «Успели за ночь подвезти орудия», — подумал комиссар. За первым выстрелом последовали другие. Снаряды в клочья рвали стылую землю. Началась атака. Но из разбитого окопа красных раздались редкие выстрелы. Патронов было мало, и красноармейцы отбивались штыками и прикладами. Прошло несколько минут, и все кончилось. Из разрывов низких туч выглянуло как бы посыпанное известковой пылью невеселое осеннее солнце.

...Их выстроили на окраине небольшой, домов в пятнадцать, северной деревушки. Они были изранены и бесконечно устали.

Подошли английский полковник в теплой зеленой шинели и офицер в черной черкеске. Унтер-офицер доложил:

— Остатки большевистского полка в количестве шестнадцати человек выстроены для допроса, — и указал на связанных по рукам красных бойцов.

— Я знаю, что вы не виноваты, — вкрадчиво начал офицер в черкеске. — На бессмысленное сопротивление против нас и наших союзников вас подстрекал большевик Иванов. В том, что он здесь, мы не сомневаемся. Выдайте его, и мы гарантируем всем остальным жизнь.

Красноармейцы молчали.

— Даю пять минут на размышление, — сказал офицер и взглянул на англичанина. Тот согласно кивнул:

— Ол райт.

И от одного к другому стали передаваться тихие, твердые клятвенные слова: «Держаться до самой смерти!»

Возвратился офицер в черной черкеске.

— Комиссар Иванов, — повысил он голос, — три шага вперед! — И вся шеренга надвинулась на него. Офицер побледнел, но, стараясь не терять самообладания, спросил правофлангового:

— Как звать?

— Иван.

— Иван? — переспросил он. — Фамилия?

— Иванов, — безразлично ответил сутуловатый, заросший черной бородой красногвардеец, бывший кровельщик.

— Рожей в Иванова не вышел! — офицер хлестнул плеткой по лицу пленного и обратился к следующему:

— Твоя фамилия?

— Иванов.

— Звать?

— Иван.

Наступила очередь комиссара.

— Имя?

— Иван.

— Фамилия?

— Иванов.

Офицер ткнул следующего:

— Звать?
— Иван.
— Фамилия?
— Иванов.
— Подлецы! — заорал, багровея, белогвардеец и приказал:

— Расстрелять всех! Нет, повесить, вздернуть! Немедленно стройте виселицу!

Виселицу достроить не удалось. Подоспела подмога: два больших красных отряда.

ХЛЕБ

По деревням и селам Аргуновской волости Никольского уезда пронеслась «страшная весть»: ночью прибывает продовольственный отряд. Он состоит сплошь из большевиков и будет отбирать хлеб у всех поголовно и вплоть до единого зернышка.

— Под метелку, значит, — втолковывал мирской захребетник, одноглазый Ефим Гурнов своему соседу Климу Ознобишину, все богатство которого состояло из покосившейся избенки, кучи ребятишек да нескольких мешков жита.

— Не может того быть, чтобы подчистую, — сомневался Ознобишин. — Выходит, нам опосля одна дорога — на Афон-святу гору?

— Придут да обдерут ребро на хром, тогда поздно будет сумлеваться, — говорил Гурнов, оглядываясь по сторонам. — Дело советую: захорони понадежней хлебушко, не придется тогда к локтю зубами тянуться.

— А каковы они, большевики, из себя-то? — веря и не веря богатому соседу, спросил Ознобишин. — Ведь, чай, тоже люди...

— Известно, без креста на вороту, — ответил Гурнов. — Слышал небось: диктатура пролетариата? Что это такое? Рабочему все, а крестьянину — шиш. Лапу грызи. Вник? То-то. Ну, я побегу других предупредить...

Когда землю окутали слегка морозные сумерки, Клим с женой вышли на задворки своей избенки. Там, среди разросшегося бурьяна, вырыли глубокую яму, в которую осторожно, словно младенцев, положили мешок ржи и мешок ячменя. Притрусив мешки яровой соломой, яму забросали землей, а поверх нее подо-

превшей картофельной ботвой. Клим, считавший себя расчетливым, берег ячмень на семена, а рожь — на самые черные дни, которые наступают во второй половине зимы.

«Спасибо соседу — башковит, — подумал Ознобишин, закончив работу. — Пущай теперь большевики ищут».

Продовольственный отряд прибыл в село только под вечер следующего дня. В пути на одном из глухих волоков бойцам пришлось отстреливаться от кулацкой засады.

Комиссар отряда — среднего роста худощавый мужчина из рабочих, лет тридцати, не откладывая дела в долгий ящик, решил сразу же собрать сельчан на сходку. Посланные нарочные обстучали подоконники добротных пятистенков, домов из кондовых бревен и крытых соломой хибар.

Крестьяне неохотно собирались к трухлявой часо-венке, стоявшей посередь села, искоса поглядывая на бойцов отряда с трехлинейками за спинами. Невдалеке, у прясла — несколько груженных зерном и порожних подвод.

«Такие же люди, как все прочие», — к удивлению своему отметил Клим Ознобишин, разглядывая продотрядовцев. Большинство бойцов были одеты в гражданскую одежду, несколько человек носили солдатские шинели, папахи и лишь двое ходили в комиссарских кожаных куртках.

К крестьянам с краткой речью обратился комиссар отряда.

Его голос с чуть заметной хрипотцой, хотя и был негромок, но слышен всем. Он говорил о великой революции, о Ленине — защитнике и друге крестьян, о кровавой битве, которую ведет молодое советское государство с интервенцией и контрреволюцией, об истощенных рабочих, кующих у станков победу, и умирающих в городах от голода детишках.

— Хлеб — это жизнь республики, жизнь детей и наше с вами будущее, — заканчивая выступление, сказал комиссар. — Поэтому мы просим вас сдать государству излишки зерна. Они кое у кого из вас есть. И немалые. Принимать хлеб будем здесь с восьми утра. Вопросы будут?

— Будут, гражданин начальник, — выкрикнул из толпы Васька Шмаков, рябой молодой мужик, недавно отделившийся от кулака-отца — По фунту с нищей души, али более товарищи большевики запрашивают?

Комиссар не удостоил Ваську ответом. Тот почувствовал, что его шуточка нисколько не задела продотрядовцев, не вызвала ни одобрения, ни даже улыбок сельчан, зло прошипел:

— Привезем, ждите...

И все же, вопреки предсказаниям Васьки Шмакова, хлеб привозили. Но что это был за хлеб? Кто мешок привезет, кто два. Бедняцкий горький хлеб, но сдаваемый, — это чувствовал комиссар, — от чистого сердца.

Кулаки же, а их в селе было много, решили сгноить зерно, но не сдать ни фунта.

— Будем хлеб искать, — сказал комиссар. — Конфисковать, соблюдая революционную законность.

Начали обходить дворы побогаче. У комиссара был список, у кого из сельчан сколько имеется земли и, значит, по нему можно судить о зажиточности. Но обыск в первом же богатом доме не дал желаемых результатов. Хозяин еще накануне ночью спрятал зерно в ближайшем, заросшем вереском овраге.

— Значит, излишков хлеба нет? — спросил комиссар кулака.

— Видит бог.

Подшли к следующему пятистенку. В нем тоже излишков не оказалось. Уже хотели следовать дальше, как один из продотрядовцев, только что вернувшись с улицы, что-то на ухо шепнул комиссару.

— Хорошо, — кивнул комиссар. — Проверьте.

Несколько бойцов, прихватив в сенцах хозяйскую лопату, направились на задворки. Там они и обнаружили около пятидесяти мешков ржи и ячменя, зарытых в землю.

— Видит бог, хлеб есть, — озорно подмигнул комиссар трясущемуся от бессильной злобы хозяину.

— Безбожники! Антихристы! — кричал кулак, видя, как грузят мешки с зерном на подводы.

— Ты, дядя, потише, — пригрозил ему один из бойцов. — Люди с голоду пухнут, а ты хлеб зарыл.

Следующим был дом одноглазого Ефима Гурнова. В нем продотрядовцы почему-то задержались недолго, а сразу направились на задворки дома Клима Ознобишина. «Все, теперь я пропал, — упало сердце Клима. — Арестуют, а семья умрет с голоду». Но все-таки Клим, помедлив, решил выйти к продотрядовцам. Чему быть, того не миновать. На задворках он увидел улыбающихся бойцов, разрытую яму, а в ней два захороненных им, Ознобишиным, мешка зерна.

— И это у тебя... все? — спросил комиссар.

— Все, — опустил голову Клим.

— Зачем же прятал?

Клим молчал.

— Н-да, — помрачнел комиссар. — Детей много?

— Хватает.

— Так ведь этого добра на еду до весны не хватит, — показал на мешки комиссар.

Клим кивнул.

— А сеять что весной будешь?

Ознобишин развел руками.

— Пошли, товарищи, — сказал комиссар бойцам.

«А ведь это соседущка на меня показал, чтоб отвести удар от себя, — догадался Клима. — Вот почему они в его дому долго не задерживались». Что-то непонятное творилось вокруг Ознобишина. Эти страшные большевики оказались вовсе не такими, как о них рассказывают. Ефим-то, Ефимушка-то...

Сбор зерна в селе продолжался. Кулацкий хлеб продотрядовцы находили в земле, в навозных кучах, банях, в лесу, у бедняков, которых богатеи уговаривали похоронить на время...

Два дня отряд работал в богатом селе. Наконец, обоз тронулся вдоль посада. На головной подводе — красный флаг. Поравнявшись с избой Клима Ознобишина, обоз остановился. Клима испуганно отшатнулся от окна.

— Эй, хозяин, выходи, — услышал он стук в окно.

— В чем дело?

— Получай, — продотрядовцы свалили с одной из подвод к крыльцу дома Ознобишиных три мешка зерна. — Это тебе на посев. Советская власть вовсе не заинтересована в том, чтобы бедняк век голодал. Вырастет урожай, авось отдашь.

Обоз по пути следования останавливался еще несколько раз. И все у бедняцких хозяйств. Клим недоумевал: «У богатых берут, бедным дают... Может, это и есть та самая советская власть, которой богатеи пугают крестьян?»

ОПЕРАЦИЯ «КАЗАРМА»

На уставший город опустилась морозная ночь. Улицы тихи и пустыньны. В окнах обывательских домишек не видно привычных робких огоньков. Казалось, ничто не предвещает беды. Но военком Ватенин знал, что тишина эта обманчива, что завтра утром готовится удар по власти рабочих и крестьян в губернском центре.

— Н-нда, — крутнул тонкий ус военком. Не было печали... Что вы скажете?

Те двое, к кому он обратился, сидели рядом. Один из них, красногвардеец Смирнов, был отчаянно храбр, но не всегда его храбрость сочеталась с трезвым расчетом. Второй, старый большевик Шаршавин, член губкома, имел опыт подпольной борьбы с царизмом. Участник двух революций, он на самые сложные и запутанные вопросы умел находить простые и верные ответы.

— Солдат запугали офицеры, — ответил Смирнов.

— Это верно, — подтвердил Шаршавин, — но во всем виноваты мы, большевики. Надо учиться работать с солдатами и тогда они пойдут за нами. А то поговорили в батальоне, помитинговали и разошлись. Велогвардейская агитация оказалась сильнее революционной.

— Оба правы, — подытожил военком. — Одним словом, по этому вопросу нас вызывают в губком. По дороге думайте, как будем действовать.

В губкоме их сразу же пригласили к председателю, который сказал:

— Проходите, садитесь и сразу приступим к делу. Зачем приглашены, наверное, догадываетесь.

— Так точно, — по-военному ответил за всех Ватенин.

— По достоверным данным, батальон, спровоцированный офицерами на восстание, должен выступить

против Советской власти завтра. И первым его шагом будет захват патронных складов. Батальон необходимо разоружить сегодня ночью. Желательно без лишнего шума. Эта операция возлагается на вас.

Предгубкома говорил спокойно и уверенно. «Как будто речь ведет о том, чтобы сбегать в огород, надергать луку», — подумал Смирнов.

— Задача ясна?

— Ясна.

— Ваши соображения?

Сначала планами разоружения батальона поделился военком, потом Шаршавин, затем слово вставил Смирнов:

— Забросать гранатками, — предложил он.

— Не слишком ли круто? — улыбнулся предгубкома. — Там ведь такие же люди, как и мы с вами. Исключая, разумеется, злостных врагов Советской власти. Притом надо без шума. Ваш план, товарищ Ватенин, наиболее подходящ. Только в него надо внести кое-какие элементы из плана товарища Шаршавина. Ну, а если дело дойдет до гранат, — председатель взглянул на Смирнова, — что ж...

— В батальоне четыреста человек, — сказал Ватенин, когда члены губкома обсудили примерный план операции, условно названной «Казарма». — Сколько в наше распоряжение дадите красногвардейцев?

— Сколько надо?

— Роту.

— Роты нет. Возьмите пятнадцать человек. Вполне хватит. Действуйте больше словом.

...Ночь. В вытянутой руке не видна винтовка. Отряд красногвардейцев бесшумно подошел к первушинским казармам. Он был невелик, но состоял из проверенных, опытных товарищей.

Казарма спала напряженным, задыхающимся сном. У входа мерно расхаживал часовой, освещаемый мутным светом керосинового фонаря. Подойти к нему незамеченным не было никакой возможности: казарма длинная, а вход в нее посередине. Пароля же красногвардейцы не знали.

А часовой все расхаживал и расхаживал. Вот он остановился, прислушался. Из-за угла до него донеслась пьяная песня:

Бы-ывало вспашешь пашенку,
Лошадок распряжешь...

— Кой черт там опять в городе нализался! — выругался часовой. — Это ты, Подшивалов?

Вместо ответа последовало:

А сам тропой знакомою
В зеленый сад войдешь...

— Свинья ты, Подшивалов, сви...

Глухой удар. Пошатнувшись, часовой грузно осел на землю. Затем с двух сторон казармы вынырнули красногвардейцы. У входа остановились, прислушались. Тихо.

— Чем ты его? — успел шепнуть Ватенин Смирнову, кивнув на безжизненное тело часового.

— Да гранаткой же... К утру очухается.

Внутри казармы вошли так же бесшумно. Дневальный дремал. Чтобы он ненароком не заорал, Смирнов сначала легонько тронул его за плечо, а когда дневальный, не открывая глаз, зевнул, лихой красногвардеец ловко засунул ему в рот сушившуюся рядом солдатскую портянку.

В казарме пахло потом и ружейным маслом. Снар доносились храпы и бормотанье во сне. Направо, у окна, стояли в пирамидах винтовки, а на полу два «максима», за них тут же легло по красногвардейцу.

— Ватальон, подъем! — подал команду Ватенин.

Первым вскочил с нар штабс-капитан, ночевавший вместе с солдатами. Ничего не понимая, он с минуту таращил глаза на красногвардейцев, стоявших с оружием в руках у винтовочных пирамид, потом вытащил из-под подушки пистолет и приставил его к виску. Хлопнул выстрел.

Солдаты вмиг повскакали с нар.

— Спокойно, товарищи, — обратился к ним Шаршавин. — Именем революции вы разоружены...

...Утром следующего дня разоруженный батальон был выстроен в казарме. Шаршавин рассказал солдатам о задачах молодой Советской власти, о Ленине, о партии большевиков...

— Выходит, офицеры думали заставить нас выступить против себя, — гудели солдаты.

— Выходит, — подтвердил Шаршавин. — Предла-

гаю тем, кто не изменил прежнему решению, вступить в Красную Армию, — подходить записываться... Кто первый?

— Записывайте...

— И меня...

— Я все равно сегодня бы сбежал, но против Советов не пошел бы.

Из батальона сформировали роту. Под командованием большевиков она отправилась громить интервентов и белогвардейцев на Северный фронт.

«ЧЕРНЫЕ ПТИЦЫ»

В один из дней раннего листопада 1919 года у бывшей помещичьей усадьбы Марково, что близ Вологды, остановился странный обоз. Состоял он из крестьянских телег, армейских фур, пролеток извозчиков и кареты. Из кареты грузно вывалился среднего роста субъект в хромовых сапогах, жилетке и канотье. В правом его глазу отсвечивал монокль.

— Ребятишки, — поправив на боку маузер, обратился он к седокам телег, фур, двуколок и пролеток, — этот домишко мне нравится, он явно ниспослан нам для подготовки к новым битвам во имя святых идеалов анархии.

«Ребятишки», свирепого вида мужчины, дружно окружили своего жоака. Все они были обвешаны оружием, многие еле-еле держались на ногах.

— А есть ли тут что-нибудь для пропитания наших душ? — спросил один из них.

— Найдется, — уверенно ответил жоак.

В усадьбе и впрямь «кое-что нашлось». Там было много скота, птицы, зерна, картофеля, фуража. Прекрасно обставленные комнаты особняка пришлось по душе приезжим.

— Рай земной, — восхитился грузный субъект с моноклем в глазу. — Только для нашего рая кое-чего не хватает. — Скажем, черного флага над крышей и пулемета у входа.

* * *

Телеграмма из Москвы не явилась неожиданно для председателя губчека Петра Никитича Александрова. В ней говорилось, что в разных местах стра-

ны начали активизироваться анархисты и следует ожидать их выступлений в Вологде.

Петр Никитич еще раз перечитал телеграмму, откинулся на спинку стула. Что ж, анархисты — враги не новые. Чекистам уже доводилось с ними бороться. И не раз. Однажды пришлось разоружить целый эшелон этих «черных птиц», следовавших через станцию Вологда. В другой раз бандиты силой захватили одну из гостиниц города, установили у подъезда пулемет, выбросили из окна черный флаг, заявив: «Для нас нет ничего выше нас!» Чекисты разгромили и эту банду, изъяв у нее много стрелкового оружия и около шести пудов динамита.

Петр Никитич встал со стула, подошел к двери, открыл ее, крикнул:

— Дежурный, пригласите командира отряда!

Через несколько минут в кабинет вошел среднего роста чекист в кожаной куртке, опоясанной ремнями. На боку висел внушительный пистолет. Председатель подал вошедшему только что полученную телеграмму. Когда тот пробежал ее глазами, спросил:

— Как ведут себя эти новоявленные помещики?

— Пренахально, Петр Никитич. Все эти дни мы за ними следили. Над усадьбой выбросили черный флаг, у входа поставили «максим», нацеленный на дорожку. Пьют, едят, мудрствуют о своих «богах» Штирнере и Прудоне, Бакунине и Кропоткине. Крестьяне их возненавидели. Пристают к женщинам. Вожак их, этот Солнцев, раскатывает по окрестным деревьям на тарантасе, что-то вынюхивает, выпрашивает.

— Оружия у бандитов много?

— Стрелкового порядочно.

— Сколько пулеметов?

— Только один.

— Надо прихлопнуть это гнездо, — сказал председатель губчека. — Но сначала предупредите, чтоб уходили подобру-поздорову.

— Понятно, Петр Никитич.

— Идите.

* * *

На следующий день представитель Советской власти предложил анархистам покинуть Марково.

— Ультиматум? Угроза? — вкрадчиво спросит Солнцев, бросив в глаз монокль.

— Пока ни то и ни другое, — невозмутимо ответил представитель рабочих и крестьян.

— А потом?

— Будете пенять на себя.

— Угрожаете?! Советская власть самая справедливая на планете. Так вы говорите?

— Так.

— Значит, не может она применить оружие в отношении свободных людей. А теперь — скатертью дорожка. Я не могу поручиться за своих мальчиков.

Анархисты, стоявшие рядом, нахально заулыбались. Многие из них, как всегда, были пьяны вдрызг. Когда представитель ушел, Солнцев отдал приказ:

— Никого в усадьбу не пускать, ни с кем не считаться.

С этого часа у пулемета было установлено круглосуточное дежурство.

* * *

Выкурить анархистов из усадьбы, причем без единого выстрела, помогла маленькая военная хитрость. В один из дней к гнезду «черных птах» подошел небольшой отряд красногвардейцев. Впереди него кони тащили внушительного вида пушку. Вернее, это была не пушка, а умело замаскированная простая двуколка. Стволом «пушки» служило искусно покрашенное зеленой краской осиновое бревно. Да и где было взять в то тревожное время настоящую пушку, если артиллерия находилась на фронтах. Расчет чекистов был прост: против орудия не устоят никакие бандиты.

«Пушка» была развернута в трехстах-четырёхстах метрах от усадьбы. Анархистам послан ультиматум — он был суров и предельно краток:

«Именем революции требуем освободить усадьбу. Имеющееся оружие оставить в особняке, вплоть до режущего и колющего. Семьи, у кого есть, забрать. Никакого имущества не выносить. Срок — два часа. По истечении оных открываем огонь из пушки без предупреждения. Все!»

Получив ультиматум, бандиты начали обсуждать создавшееся положение.

— Будем драться за светлые идеалы анархизма,— крикнул одноглазый коротышка Поярков, окрещенный местными крестьянами Огарком.

— Пушка ахнет, и они, эти идеалы, будут преотлично освещать тебе путь к самому господину богу, — саркастически заметил один из наиболее трезвых анархистов.

Через полтора часа к отряду красногвардейцев анархисты прислали «парламентера», который высокомерно сообщил, что с условиями ультиматума они согласны, но...

— Разрешите взять несколько повозок и еще кое-какое барахлишко.

Ему было твердо заявлено, что усадьбу должны покинуть пешком. Один же из красногвардейцев крикнул вслед «парламентеру»:

— Вы считаете себя вольными птицами. Птицы, как известно, не ездят, а летают.

...Томительно тянулись последние минуты. Но вот ровно через два часа из ворот усадьбы вылетели первые «черные птицы». Без оружия и без вещей. Вскоре в усадьбе никого из них не осталось.

...Шла осень сурового девятнадцатого года. Был ветер. Землю устлали желтые листья.

КУЗНИЦА

На окраине Дорожайки, там, где сонная речушка Луговинка делает крутой поворот, стоит вросшая в землю кузница. Она стара, на крыше ее буйно плодятся сорняки. Работает в ней Прокоп Северов, крепкий, кряжистый, несмотря на шестьдесят лет, мужик.

Прокоп называет себя пролетариатом. Земля у него только под избенкой. «Меня молот кормит, — говорит он крестьянам, — а вас серп. О союзе серпа и молота слышали? То-то». Северов немногословен, скорее даже мрачноват. Лицо заросло дымными бородой и усами. Да и весь он, облаченный в закопченную сдежду, похож на большой столб сизого дыма.

В кузницу Прокопа, на стук молота, собирались мужики потолковать о мирских делах, дымили махоркой и частенько принимали касающиеся деревни важные решения.

Сегодня у Прокопа работа не ладилась. Он выпустил из рук молот и присел на трухлявый порог. Неистовое сентябрьское утро как-то робко брало разбег. Северов долго сидел, курил, думал одному ему известные думы. Он не заметил, как рядом с ним оказался Иван Гудин.

— Садись, — показал он дружку место рядом с собой

— Не время сейчас сидеть, Прокоп Семенович, — с волнением сказал Гудин.

Прокоп поднял голову и заметил на глазах соседа слезы.

— В чем дело?

— В Ленина... Прокопушка, — стреляли, — еле выговорил Гудин.

— Неужто? Кто стрелял? Где? — Прокоп вскочил.

— Из губернии, Прокопушка, Васька Суслон эту черную весть привез, — пояснил Гудин.

Так в одной из вологодских деревень крестьяне узнали о том, что 30 августа 1918 года подлая эсерка-террористка Каплан выстрелом из пистолета нанесла другу и вождю трудового народа две тяжелые раны.

Вскоре к кузнице Прокопа начали стекаться мужики. Пришли три брата Охлопковы, на взмыленном мерине прискакал Евлампий Бодряков, притюкал на березовой ноге герой Порт-Артура Александр Коркин, прозванный сельчанами Душа вон... Все они стояли, опустив головы, и не произнося ни слова.

— Эх, — наконец только и вымолвил Прокоп, ударив тяжелым молотком по наковальне так, что полетели искры.

— Надо в волость идти, братцы, предложил Коркин. Может, это неправда. А если... то душа из них вон...

В волость пошли Прокоп, братья Охлопковы и Александр Коркин. Там уже было полно крестьян из ближних и дальних деревень. Состоялся митинг. На нем с краткой речью выступил председатель волисмолкома, бородатые мужики, не подбирая деликатных слов, требовали сурово наказать контру революции. А один из них, саженого роста крестьянин лет пятидесяти, взобравшись на телегу, словно разговаривая с самим собой, густым басом произнес:

— Выходит, они бьют нас, значитца, мы должны их. Был я на японской, был на германской, теперь надо идти на гражданскую. Надо!

Прокоп с братьями Охлопковыми и Александром Коркиным возвратились в Дорожайку. Двое младших Охлопковых лишь затем, чтобы перед уходом на фронт проститься с матерью и отцом: они в волости записались добровольцами в формируемый отряд красногвардейцев.

С этого дня кузница Прокопа не пустовала, казалось, ни днем, ни ночью. Все новости, особенно сообщения о болезни Ленина, здесь горячо обсуждались. Газет в деревне никто не выписывал, за ними крестьяне поочередно ходили в волость. Из них они узнавали о ходе болезни Ильича.

— А ведь, братцы, в столице сейчас, бают, туго с харчом, — сказал как-то мужикам Александр Коркин, в раздумьи посасывая трубку-носогрейку. — А Ленину надо хорошо питаться. Не послать ли нам посылочку Ильичу, а?

— Дело говоришь, — горячо поддержали его Охлопковы. — Как мы сразу-то не догадались!

В тот же вечер крестьяне собрали сотню яиц, несколько фунтов масла. Идти с посылкой в волость поручили Прокопу. Северов отправился в Кубенское теплым и солнечным утром середины сентября. Там он долго не задержался. Все видели, как он, не заходя домой, словно на крыльях, влетел в свою кузницу. Потянулись туда и мужики.

— Приняли? — первым делом спросил кузнеца Александр Коркин.

— Да, для голодающих детей, — ответил чему-то радующийся Северов. — Говорят, об Ильиче и без нас есть кому позаботиться. И вообще...

— Что вообще? — в один голос переспросили братья Охлопковы.

— Ленин поправился, — невозмутимо произнес Прокоп. — С шестнадцатого сентября доктора разрешили приступать к работе.

— Правда?

— Вот газета, — достал из-за пазухи «Северную бедноту» кузнец.

— Ну, слава богу, — перекрестились братья.

- Слава богу...
- Не богу слава, а самому Ильичу, — поправил братьев Коркин.

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ СУРОВОГО ГОДА

(По следам ленинской телеграммы)

1

Противотанковое орудие старшего сержанта Александра Ефимова осталось одно перед наступающим противником. Вокруг ухали снаряды и мины, трассирующие пули прошивали прогорклый закоптелый воздух. Наводчик у Ефимова был ранен, поэтому сам командир прильнул к прицелу. Фашистские машины со зловещими крестами на бортах громыхали где-то впереди, совсем недалеко, но различить их было очень трудно.

Томительно тянулись секунды. Ефимов словно слился с выдавшей виды пушкой: он в это время ничего не чувствовал и, казалось, ничего не замечал. Но вот в черном дыму возникли контуры стальной громады. «Огонь!» — подал сам себе команду Александр и нажал на спуск. Впереди, метрах в пятидесяти, среди прошлогодних стеблей кукурузы вспыхнуло пламя. «Ага, гад!» — выругался старший сержант и подал команду заряжающему. Но тут какая-то неведомая сила отбросила его далеко в сторону.

Он лежал на краю глубокой воронки, руки вразброс.

...Когда старшего сержанта принесли из операционной в палату, и он пришел в сознание, безногий сосед участливо сказал:

— Долгонько они тебя там ремонтировали. Считай, от смерти спасен.

— Второй раз, — преодолевая боль, ответил Александр Ефимов.

— А первый раз когда?

— В 1919 году.

— Сколько же тебе лет было?

— Семь лет.

— Кто же тебя тогда спас?

- Ленин.
— Ну-у?!
— И меня, и всю нашу семью, и еще многих-многих...
— Как же это произошло?
И старший сержант Ефимов рассказал бойцам такую историю.

2

Шел суровый 1919 год. Гражданская война. Разруха. Голод.

Конец марта. Вспухают ручьи и реки, наливаются подспудной силой. Распускаются почки вербы. В деревне Новосело оголяются от снега соломенные крыши крестьянских изб. Весело кричат на березах благополучно перезимовавшие вороны, а в домах плачут полуголодные дети.

К одной из таких изб подошел незнакомый человек, окинул взглядом: бедна. Заметив приезжего, на крыльцо вышла худощавая молодая женщина.

— Вас что ли везти велено? — как-то безучастно спросила она.

- Меня, хозяйшка.
— В Покровское?
— В Покровское.
— Сейчас запрягу.

Ехали молча. Незнакомый мужчина средних лет, в солдатской папахе и ветром подбитом стареньком драповом пальто, сидел в конце дровней на охапке яровой соломы. Женщина застыла в характерной для возниц позе: голова опущена, руки покоятся на коленях — весь вид крестьянки расслабленный, отрешенный. Мужчина заговорил:

— Солнце-то как жарит. Скоро сеять, небось, выдете.

Женщина повернулась, в глазах ее были слезы.

— Не только сеять, а и кусать детишкам нечего, — ответила она.

— Это почему? — заинтересовался седок. Ему не верилось, чтобы в крестьянском хозяйстве не оставили зерна для посева. Обычно бывает так, что сам мужик ест мякину, а семена хранит пуце глаза.

— Разверстка какая-то, — зарыдала женщина. —

Пришли и под метелку замели.... Двадцать пудиков... последних... Двое малых детей на печи орут, старуха-мать на руках...

— Муж есть?

— Как ушел в четырнадцатом на германскую — ни слуху, ни духу.

— Неужели до зернышка?

— До последнего, родимый.

— М-мда...

Кому-кому, а уездному судье Фролову (это именно его везла крестьянка в село Покровское) обстановка в губернии была ясна до предела. Только в Белозерском уезде в это время голодало тринадцать тысяч человек. Нет возможности выдавать им даже по восьмушке хлеба. За март зарегистрировано пятьдесят смертельных случаев от голода. Обо всем этом на одном из совещаний доложил активистам председатель уездного комитета Павлов. Тогда же члены уездного исполкома решили командировать в Москву своего председателя Мурашева, чтобы ходатайствовать о выделении пятидесяти пудов хлеба.

Об этом они послали телеграмму в Москву на имя Владимира Ильича Ленина.

На местах же шла реквизиция хлебных излишков. И при этом не обходилось без ошибок и перегибов. В результате нелепой случайности, очевидно, и отобрали хлеб у новоселовской крестьянки.

Такие мысли мелькнули в голове судьи Фролова, пока возница горько жаловалась на свою разнесчастную судьбу.

— К кому-нибудь обращались? Да, как вас звать? — спросил Фролов.

— Ефросинья Ефимова. Жаловалась волостным властям.

— И что?

— Да ведь неграмотная я, — развела руками Ефросинья.

— Унывать рано. Мы обратимся куда-нибудь выше волости, — обнадежил судья.

— Куда же выше?

— К Ленину.

— К самому Ленину?!

— К самому.

Через час они приехали в Покровское. Там со слов Ефросиньи Андреевны Ефимовой судья составил и подал телеграмму самому Ленину.

— Ему сейчас не до нас, — засомневалась Ефросинья.

— Ленин непременно поможет, — заверил ее Фролов. — За трудовой народ он горой стоит...

Было это 27 марта 1919 года.

3

Тревожная телеграмма российской крестьянки из далекой северной деревни легла на стол управляющего делами Совнаркома во второй половине следующего дня.

Владимиру Ильичу о ней доложили 29 марта. Этот день, как и всякий иной, у него был загружен делами до предела, но, получив телеграмму из деревни Новосело, Покровской волости, Белозерского уезда, Владимир Ильич находит время для ответа. Он пишет:

29. III. 1919.

*«Череповец
Губисполкому*

Проверьте жалобу Ефросиньи Андреевны Ефимовой, солдатки деревни Новосела, Покровской волости, Белозерского уезда на снятие у нее хлеба в общий амбар, хотя у нее муж в плену пятый год, семья — трое, без работника. Результат проверки и ваших мер сообщите мне».

Отправив в ответ на жалобу крестьянки телеграфный запрос Череповецкому губисполкому, Ленин под текстом телеграммы Ефимовой пометил: «тел[еграм]ма посл[ана] 29/III».

4

Весна в тот год на севере выдалась дружная. Уже в начале апреля снегу на полях оставалось мало. Если так будет греть солнце, думали мужики, то с начала третьей декады можно пахать. На эту работу у крестьян Новосело времени уходило немного. Велики ли земельные наделы! Они оставались пока прежними, распределенными еще до революции. А тогда давали

на душу по полторы десятины. Женская душа в расчет не принималась. Особенно туго приходилось тем семьям, в которых мужчина один, а женщин, скажем, пять.

У Ефросиньи Андреевны было два надела — на мужа и сына Александра. Имелась неражая лошаденка, корова-навозница, пара овечек. Все эти годы она сама пахала, бороновала, сеяла, убирала хлеб. Справлялась. Привычка. Кормила старушку-мать, малолетних сына и дочку. Она видела, как соседи ладят сохи. На свою Ефимова не смотрела. К чему? Ведь все равно сеять нечем. Зерно отобрано — последняя надежда и жизнь семьи.

Она не придавала особого значения посланной из Покровского в Москву телеграмме, но вдруг о ней напомнил специально приехавший человек из губисполкома.

— Запрягай лошадь, — поздоровавшись, сказал он крестьянке. — Поедешь за своим хлебом.

Ефросинья Андреевна не верила своим ушам. Потом опомнилась, заохала, засутилась.

— Вот радость-то... Не знаю, кому уж за это и кланяться?..

— Владимиру Ильичу Ленину, — сказал представитель губисполкома.

Когда крестьянка привезла свои двадцать пудов, вплоть до зернышка, представитель губисполкома зашел в избу и оставил Ефросинье телеграмму Ленина. На память.

Весть об этом быстро облетела всю деревню. Дверь избы Ефросиньи Андреевны не закрывалась. Соседи — Степан Маришичев и Степан Ильин, бородатые мужики, читали телеграмму по слогам, рассматривали на свет.

Это было пятого апреля 1919 года.

Таким образом, прошло всего девять дней с момента подачи телеграммы вождю революции и до исполнения его указания. А ведь по тогдашним временам единственными видами транспорта были лошадка да собственные ноги. А от Череповца до деревни Новосело, затерявшейся в глухих лесах и болотах за Белым озером, добрых две сотни километров.

Как же сложилась дальнейшая судьба семьи Ефросиньи Андреевны?

Муж с империалистической войны так и не вернулся, пропал без вести. Крестьянка по-прежнему одна вела хозяйство. В 1923 году образовалось кредитное товарищество — ей выделили за низкую плату плуг и борону. Подрос сынок. Десять лет — мужик, помощник, кормилец. И радовалась, и утирала горькие слезы мать, видя, как ее Саша ходит за лошадью: рост — вровень с ручками плуга.

В 1930 году бедняки деревни организовали колхоз. В него вступили тридцать шесть семей. Одной из первых подала заявление Ефросинья Андреевна. Потом... Впрочем, за эти годы единственным горем для матери явилась смерть дочурки.

Умерла Ефросинья Андреевна в 1948 году. До самого последнего своего дня она помнила о ленинской телеграмме, часто рассказывала людям о памятных девяти днях сурового года.

6

В поселке Нижняя Мондома живут рабочие Белозерского леспромхоза. С одной стороны поселок омывает старый обводный канал, с другой — шумит вековой лес. Хорошо накатанная дорога ведет в Мондому из древнего русского города Белозерска. В поселке добротные дома, школа, почта, клуб, кафе «Березка»... Одним словом все, что положено иметь современному рабочему поселку. И живут тут трудолюбивые лесники. Александра Филипповича Ефимова, сына Ефросиньи Андреевны, долго искать не пришлось. Первый же встречный указал на новенький типовой дом, в котором живут две семьи.

— Милости прошу, — радушно встретил хозяин.

Он невысок, но коренаст. Смотрит открыто, честно.

— Временем? — переспрашивает он. — Временем располагаю. На пенсии с октября прошлого года. Вышел в пятьдесят пять. Как инвалид Великой Отечественной. Помню ли я ленинскую телеграмму? Очень хорошо. Об этом прекрасно знают и мои дети. Сколь-

ко их? Трое. Сын Валерий, отслужив в ракетных войсках, вновь стал лесозаготовителем. Михаил, слесарь поточной линии лесоучастка, готовится к службе. Дочка Ида работает в Ленинграде на заводе «Красный треугольник». Приезжает каждый год. Хозяйка? А в школе, буфетчица она. Живем — радоваться надо.

Но не вся жизнь этого пятидесятишестилетнего человека, как мы знаем, была сплошной радостью. Вернувшись с финской войны, он осел в леспромхозе. Потом — Великая Отечественная. Вернулся Александр Филиппович из госпиталя инвалидом. Работал сплавщиком, лесорубом, плотником... Было очень и очень нелегко, если после ранения на левой руке остался всего лишь один палец. Но старый солдат выдержал все.

...Провожая меня, Александр Филиппович Ефимов еще раз посмотрел на большой портрет Владимира Ильича, который помещен на самом видном месте квартиры. На портрет самого дорогого человека на земле.

ПЕСНЯ ЖИТНУШИНА

1

Вокруг Сомова, Боровин, Климушина и других деревень земля скудная. Возьмешь ее на ладонь, а она скользит меж пальцев жидкими струйками. Снег весной с окрестных холмов — как с гуся вода. Полнилась, бурлила на перекатах широкая Вага-река. Но не наполнилась от этого достатками жизнь крестьянская. «Не до жиру — быть бы живу», — невесело шутили мужики, но особенно и не унывали. «Глины да песку нам не занимать стать. Были бы руки, а голову на плечах не только для шапки носим».

Славились эти деревни отличным кустарным производством. Особенно оно процветало в Сомове, расположенном в семи километрах от Верховажья. Почти в каждой из двадцати четырех изб имелся гончарный круг и большая печь для обжига посуды и различных иных поделок. Называли эти печи «заводами», а посему мирские захребетники из зажиточных сел по адресу сомовцев ехидно прокатывались: «Хотя и нищие, но зато все поголовно «заводчики». Прокатывались, но в ярмарочные и базарные дни посуду «завод-

чиков» покупали весьма охотно. Хитрые сомовцы это знали и в свою очередь старались почище ободрать богатеев. Воз посуды на ярмарке в уездном Вельске стоил воз хлеба.

Изготавливали сомовские гончары чашки, ендовы, студники, кувшины, чайники, кое-что из художественной керамики. Мальчишки мечтали о свистульках, звук которых довела до соловьиного совершенства разбитная бабенка Марья Макурина. Это дало повод соседям-гончарам подшучивать над ее мужем Константином Степановичем:

— Выше тебя прыгнула Марьюшка. Но не унывай, твою ендову с брагой даже пьяный поп в масле ницу мимо уха не пронесет.

Обиделся Константин Степанович и через некоторое время выставил на обозрение и зависть своих конкурентов... глиняный самовар. Даже угостил из него чаем. Вот какие мастера были в Сомове!

Лучшим же из лучших гончаров все-таки считали Василия Васильевича Житнухина. Ему шел тридцать первый год. Был он невысок росточком, но коренаст, курнос и крутолоб. Руки имел скорее не хлебопашца, а музыканта. Может быть, еще и поэтому простая глина из окрестных бугрищ на его гончарном круге превращалась в подлинные произведения искусства. «Слово заветное мужик знает, — говорили про него. — Никак из Питера секреты привез». Говаривали и завидовали. Как-никак, конкурент очень опасный на весенней ярмарке. А она обещала быть доходной и бойкой.

Всю долгую и тревожную зиму 1924 года Василий Житнухин, человек вообще-то веселый и общительный, мало виделся с деревенскими мужиками. Был он хмур и чем-то озабочен. Все свободное от обычных крестьянских забот время проводил на своем «заводе». Редко посещал традиционные вечерние встречи «за цигаркой», на которых гончары обсуждали «вопросы мировой революции» и вступление в товарищество обработки земли. «Большую деньги зашибить хочет», — говорили одни про Житнухина. «Вот посмотрите, удивит всех нас новым способом обжига посуды», — говорили другие.

Мужики — народ дотошный, их на мякине не про-

ведешь. Под различными предложениями сами стали вкатываться в избу Василия Васильевича, особенно в закуток, где стоял гончарный круг. Но эти их поползновения Житнухин пресекал в зародыше, каменной глыбой вырастая в дверях «завода».

— Неудобственно у меня тут, соседushки, — говорил он. — За стол милости прошу. Чайком побалуемся.

— Этакий жох, — тихонько ругался один из мужиков. — Нет бы поделился секретом.

А Василий Васильевич работал и пел. Пел он, надо сказать, неважно, все песни почти на один мотив.

— Никак, в певцы готовишься, — съязвил однажды тот же мужик. — Говорят, горлом большую денгу грабануть можно.

— Готовлюсь, — серьезно ответил Василий, а потом добавил: — Жаль, нот не хватает. Думаю завтра махнуть за ними к климушинским коммунарам.

2

От Сомова до Климушина — рукой подать. Идет Василий Васильевич неспешно. Поскрипывает под чешуйками снег. Морозец легкий, хорошо шагается. Мысли — о Климушинской сельскохозяйственной коммуне, ее руководителе Петре Ивановиче Куроптеве, большевике, мужике хорошо знакомом. Уж он завсегда выручит. А у него, Житнухина, к нему совсем особенное дело.

Да, а когда же он задумал его? Конечно же, в Петрограде в 1917 году. Служил Василий тогда рядовым в одном из пехотных полков. В грозные дни Октября их часть целиком перешла на сторону революции, исключая сбежавших офицеров. Радовали солдат принятые новой властью декреты о земле и мире. И все это тесно связывалось с одним именем — Ленин.

«Вот бы повидать Ленина», — частенько думалось рядовому Житнухину. Но сделать это Василию не довелось: уехал из Петрограда биться с беляками. Был рад, когда однажды раздобыл портрет Владимира Ильича — простую вырезку из газеты. Потом еще встретил фотографию Ленина. И эту, аккуратно сложив, спрятал в солдатский кошелек.

Вести из родной деревни шли и радостные, и одновременно тревожные. Родители писали, что жить стало вроде бы получше. Но шла война и на Севере. Вот-вот интервенты и белогвардейцы докатятся до Верховья. В Вельском уезде неспокойно. В их волости кулаки подняли восстание. Впыхнуло оно в Чушевицах. Потом писем долго не было. Когда же красноармеец Житнухин получил весточку из Сомова, то обрадовался.

«У нас опять спокойно, — говорилось в письме, — война уже где-то под Архангельском. Урожай сняли хороший. Насчет же кулаков, помнишь писали тебе, то их прихлопнули красноармейцы и климушинские коммунары...»

В конце этого пространного послания родители, как бы между прочим, спрашивали: не встречался ли сын с Лениным, если встретится, то пусть низко поклонится ему от имени всех сомовцев...

Хотя Василию еще раз пришлось побывать в Петрограде, но с Лениным встретиться опять не довелось. После этого Житнухин со своей частью строил Северную железную дорогу, которую довели тогда до станции Кола. Домой вернулся в двадцать втором году. Женился. И снова завертелся привычный гончарный круг, с которого стали сходить великолепные изделия из глины и песка.

Придя в Климушино, Житнухин сразу направился к большому каменному дому, в котором жили коммунары.

— Каким ветром, Василий Васильевич? — таким вопросом встретил его Куроптев.

— Дело есть, Петр Иванович, — сказал гончар. — За помощью и советом пришел.

— Выкладывай.

Василий покосился на заинтересовавшихся их разговором коммунаров.

— Секрет? — улыбнулся Куроптев.

— Вроде бы.

О чем толковал Куроптев наедине с этим «заводчиком» из Сомова, для коммунаров осталось загадкой. Только после ухода Житнухина многие из них заметили, что из двух имеющихся у них портретов Ленина — один исчез. Притом, лучший.

В середине апреля отзвенели веселыми ручейками снега с окрестных холмов. Земля парила и ждала земледельца. К севу готовились все, кто не был занят кустарным производством. Гончары же ладили свои изделия на весеннюю ярмарку. В их избах стояла всевозможная посуда. Сельчане ходили друг к другу, то одобрительно, то завистливо осматривали кувшины, ендовы, студники, художественную керамику. Прикидывали, сможет ли нынче Игнатий Ждановский конкурировать с Иваном Поповым, оценивали шансы на успех братьев Ивана и Константина Житнухиных.

— Чего гадать, Васька Житнухин нас всех затмит, — уверенно говорил Василий Полежаев, сам отличный мастер-гончар.

— Недаром всю зиму, как крот в норе, провел. Но, посмотрим, посмотрим...

Незадолго до Первой, и, значит, открытия весенней ярмарки, Василий Васильевич пригласил нескольких соседей-кустарей в свою избу. Когда они пришли, то увидели на массивном столе какой-то неведомый предмет, накрытый расшитым домотканым полотенцем. Житнухин раздвинул ситцевую занавеску на боковом окне, сдернул полотенце, и перед изумленными гончарами предстал бюст человека, которого они знали только по портретам и смерть которого еще не перестали оплакивать.

— Ленин! — ахнул Полежаев.

— Ленин... — тихо повторили остальные.

«Значит, похож. Значит, работа удалась», — радостно забило сердце Житнухина.

— Прости, Василий, мы о тебе порой плохо думали, — после придирчивого осмотра бюста сказал мужик, который больше всех поругивал Василия Васильевича: «Секрет знает, а поделиться не хочет... В пещеры готовится»...

— Над этим бюстом я работал почти всю зиму, — проговорил Житнухин. — Начал делать раньше, но после смерти Ильича все из рук валилось.

— Ты видал Ленина?

— Не довелось, — вздохнул Житнухин. — Так с портретов и лепил.

Весть о том, что гончар из Сомова сделал бюст Владимира Ильича Ленина, облетела соседние деревни. В избу к Василию Васильевичу началось паломничество. Сняв шапки, рассматривали бюст бородатые мужики, женщины приходили с ребятишками. Жена умельца Нина Александровна, любившая чистоту, на этот раз словно бы не замечала заслеженных полов.

На ярмарку в этом году Василий Житнухин не поехал.

— Проживешь до новины? — спрашивали его односельчане. — В случае чего — обращайся.

Но в Вельске гончару побывать все-таки пришлось. Его вызвали в уком ВКП(б). Попросили привезти и бюст Ильича.

— Можешь вылепить такой же, но покрупнее? — спросил Житнухина секретарь укома, всесторонне оценивая работу Василия Васильевича.

— Попробую.

— Вижу, можешь. Считай это нашим поручением. Итак, договорились, — и секретарь крепко пожал руку Василия Васильевича.

4

Сознание того, что его работой заинтересовались в укоме партии, ни на минуту не покидало гончара. Ведь первый бюст Ильича он вылепил, собственно, для себя. Вылепил потому, что не мог этого не сделать. А тут... Односельчане, климушинские коммунары, уком — все оценили его работу. Справится ли он с серьезным и почетным заданием? Но разве Петру Ивановичу Куроптеву легко было организовать в 1919 году первую в Вельском уезде Вологодской губернии Климушинскую сельскохозяйственную коммуну. С чего начинали коммунары? С четырех коров да старой лошади на двадцать три человека, из которых трудоспособных было всего пятнадцать. По горсти собирали семена для посева, голодали, но выжили. Через год вернувшиеся фронтовики влились в коммуну. Государство помогло приобрести инвентарь. Коммуна окрепла, стала помогать малоимущим крестьянам.

— Мы идем ленинским путем, — с гордостью говорили коммунары.

И вот он, Житнухин, по поручению укома должен вылепить бюст Ленина, указавшего верный выход крестьянам из вековечной нужды и нищеты.

Не будем вдаваться в технологию приготовления материала для бюста, способов обжига. Их Василий Васильевич знал в совершенстве. Впрочем, это знали и другие гончары. Никаких особых секретов Житнухин не имел. Если бы имел, то охотно поделился с товарищами. Просто он, в отличие от других, обладал более острой наблюдательностью и душой художника.

Долго работал гончар-скульптор. Все сомовцы знали над чем он трудится и особенно не докучали ему. Наконец наступил момент, когда бюст был готов. Смотреть его пришли десятки крестьян. Петр Иванович Куроптев, взволнованный, со слезами на глазах, горячо поблагодарил народного умельца. А вскоре обе работы были увезены сначала в волость, затем в Вельск.

— Вот я и спел свою лучшую песню, — сказал Василий Васильевич Житнухин, когда узнал, что его произведения получили отличную оценку в укове партии.

5

С тех пор прошли десятилетия. Новая жизнь давно утвердилась на славной важской земле. Новые песни поют хлеборобы. Величественные памятники установлены создателю нашего государства и в Верховажье, и в Вельске. Но о первых на Севере бюстах Ленина, созданных народным умельцем, помнят до сих пор.

Нет, не пропали без вести творения гончара-скульптора из верховажской деревни Сомово. Поиски их в канун столетия со дня рождения Ильича и привели нас в музей города Вельска Архангельской области.

— Мы имеем три скульптурных портрета работы Василия Житнухина, сказала директор музея Лидия Афанасьевна Малахова. Два бюста Ленина и один А. С. Пушкина. Разве проявление народной любви к Ильичу может пройти?

В БОЯХ ЗА РОДИНУ

СЕВЕРЯНКА

(Документальная повесть)

ЧЕРНЫЕ НОЧИ СУМЩИНЫ

Осенние ночи на сумщине, пока не выпал снег, спускаются на землю рано и внезапно. А в ту тревожную осень 1941 года города и села к тому же не светились ни одним окошком.

В одну из таких мертвых ночей в город Ахтырку со стороны Лебедина вошла невысокого роста, щупленькая, чернявая девушка с небольшим чемоданчиком в руке. В городе вот уже несколько дней свирепствовали гитлеровцы, их патрули наводняли улицы, везде раздавались выстрелы.

Девушка с чемоданчиком благополучно добралась до дома номер тридцать восемь по улице Крылова, оглянулась по сторонам и осторожно постучала. Чуть погода за дверью раздался густой мужской голос:

— Кто там?

— Скажите, пожалуйста, это дом номер восемьдесят три? — спросила девушка.

— Нет, это дом номер тридцать восемь, — ответил мужчина.

— Простите, я спутала цифры.

Звякнула щеколда, мужчина радушно пригласил:

— Входите. — Помолчав, спросил: — Давно?

— Несколько часов назад.

— На парашюте?

— Да.

— Следов не оставили?

— Надеюсь, нет.

— Багаж?
— В лесу, — ответила девушка.
— Хорошо, — сказал мужчина и только теперь представился: — Михайленко Филипп Андреевич.
— Ася, — сказала девушка. — Я вас знаю. Заочно.
— Пока этого достаточно. Э-э, — прибавив в фонаре свет, протянул вдруг мужчина, — сколько же вам лет?

— Двадцать.
— Есть хотите?
— Нет.
— Тогда — отдыхать. На чердаке место приготовлено. Утро вечера мудренее.

Оставшись одна, Ася ощупью разделась, сунула под жесткую подушку маленький пистолет, накрылась байковым одеялом. Внизу, в хате, что-то стукнуло, потом раздался певучий женский голос:

— Кто это к тебе приходил?
— Родственница. Дальняя, — равнодушно ответил Михайленко. — Я ее отправил спать на горище. В хате-то места нет.

Все стихло. Лишь изредка тишину нарушало гудение вражеских самолетов, летевших бомбить осажденный Харьков.

Несмотря на страшную усталость, Ася долго не могла уснуть. Впечатления дня и ночи стояли перед глазами, волновали, заставляли вновь и вновь переживать минувшее. Да, отныне она для окружающих будет дальней родственницей Филиппа Андреевича, прибывшей из города Сумы.

КРАЙ ДЫМНЫХ РОС

— Девочки, какой я родничок нашла! Вода вкусная-превкусная, аж зубы ломит.

Они теребили колхозный лен. Стояла невыносимая жара. Земля так затвердела, что, казалось, корни пожелтевших растений впаяны в камень. У школьниц сильно ныли натруженные спины, саднило намозоленные руки, а головы наливались свинцовой тяжестью. Хотелось пить.

— Где родничок? Показывай!

Люба повела девочек на конец поля. Около небольшого камня-валуна выбивалась из-под земли неболь-

шим вьюночком хрустальная вода. По краям маленького углубления росли незабудки. Они были влажные и холодные, хотя вода из родника не выплескивалась: уровень ее в углублении был всегда одинаков. Хрустальный вьюночек, выбившись из-под земли, вновь уходил в нее.

Девочки напились воды. Она и впрямь оказалась вкусной и холодной: усталости как не бывало.

Любе вспомнились слова матери: «Главное, успеть вытеребить, обмолотить и разостлать лен под августовские росы». И она сказала девочкам:

— А теперь дотерем эти два загона. Уж немного осталось.

Августовские дымные росы... Люба их почему-то особенно любила. С крыльца родного дома, что в селе Новом, она могла часами наблюдать, как вдали, меж перелесками, на низкие поля медленно падал туман. Сгущались сумерки. В лугах, в кустах ивняка, затягивали свои скрипучие песни коростели. Вот уже не видно полей, а на их месте словно бы разливаются озера беловатой воды.

Девочка любила неяркую северную природу, родное село. Тихая, задумчивая речка, кружево берез и трепет осин, земляничные поляны, а зимой — белые безмолвные поля, медноствольные сосны, ели, стынувшие под тяжестью снега.

Потому-то и не хотелось Любе уезжать из родного села в районный центр Устье. А переезжать надо было — перебиралась вся семья: отец, мать, старшие сестры.

Вопреки ожиданиям, Устье Любе понравилось. Рядом был лес, в половодье беспокойное Кубенское озеро вкатывалось прямо в село. Жители в эту пору плавали по улицам на лодках.

Через год в семье произошло несчастье: умер отец. Старшие сестры как-то сразу повзрослели, стала серьезной и младшая, она вступила в комсомол, участвовала в художественной самодеятельности, дружила с товарищами. Здесь, в средней школе, к серьезной не по годам десятикласснице пришла и первая любовь. Он был ее одноклассником, любил книги, мечтал о вузе, стал самым близким и родным человеком. Звали его Никон.

Десятилетку Люба закончила с похвальной грамотой. В 1940 году это давало право поступать без экзаменов в любой институт. Но она не могла выбрать специальность. Тогда сестра Надежда, учительница, отправила все ее документы в Московский гидрометеорологический институт. Вообще, сестры считали, что Люба еще ничего не может решать самостоятельно.

Но все оказалось иначе. Любе не понравился гидрометеорологический институт, она ушла из него и поступила в школу метеорологии и связи при Главсевморпути. Тогда только что начали основательно изучать Север, и ее, как и многих, влекла романтика суровой Арктики.

В феврале 1941 года будущая радистка приехала из Москвы на каникулы. Ее мать, Екатерина Ивановна, жила в это время у дочери Надежды на станции Морженга Сокольского района.

— Говорят, там страшные морозы, белые медведи. Ты не бойшься, Люба? — спросила Надежда.

— Что ты, Надя, нам-то, Лебедевым, к трудностям не привыкать...

АХТЫРКА — СТОРОЖЕВОЙ ПОСТ

Ася проснулась в десять утра, но с чердака не спустилась, пока в обед за нею не пришел Михайленко.

— Их не бойся, — кивнул он вниз. — Спрашивать не приучены, болтать лишнее — тоже. — И привел в хату.

— Ася, — подала руку девушка миловидной женщине, жене Михайленко.

— А отчество? — спросила та.

— Вячеславовна. Но вы зовите меня просто Асей.

— Это дочка моей двоюродной сестры, — пояснил Михайленко. — Из Сумы.

— А я и не знала.

— Я сам ее никогда не видел, — усмехнулся Филипп Андреевич. — Скрывается от немцев и полицаев. Что она там натворила, не будем спрашивать. Пусть пока поживет у нас. Так просила ее мама. Садись за стол.

Познакомилась Ася и с сыновьями Михайленко — Иваном и Мыколой — шестнадцати- и четырнадцатилетним хлопцами.

Ободали молча. Ася была голодна и с аппетитом уплетала борщ, жареную картошку со свиным салом. Михайленко помалкивал. Девушка это заметила и, чтобы завязать разговор, спросила:

— Почему ваши за стол не садятся?

— Они уже до нас, — ответил Филипп Андреевич, подкладывая в тарелку Асе картошку. — Ешь досыта, пока есть. Хоть небольшой запас, но имеем.

Ася только сейчас рассмотрела его. Михайленко было лет сорок, высокий, кряжистый, с повязкой на левом глазу, он выглядел не то чтобы мрачно, а сурово.

Вскоре хлопцы убежали по каким-то своим делам, а жена Филиппа Андреевича отправилась хлопотать по хозяйству. Первым о деле заговорил Михайленко.

— О тебе не расспрашиваю. Когда надо будет, сама сообщишь. Я сам местный, беспартийный, работаю в кооперации, развожу продукты на лошади, имею пропуск из комендатуры. Меня здесь многие знают, а некоторые подозревают в связях с оккупантами. Неплохо, а? — Филипп Андреевич улыбнулся.

— Совсем неплохо.

— Да... Фашисты зверствуют, местные полициан стараются не отстать. Однако людей, не покорившихся оккупантам, в городе большинство. Ты будешь пока знать только меня. А теперь расскажи, какое положение на фронтах. А то немцы здесь, чую, врут все.

Шел конец сентября. Обстановка продолжала осложняться. В результате неудачного исхода боевых действий нашей армии на левобережной Украине и проводимой крупной перегруппировки немецко-фашистских войск на центральное, московское направление, наиболее угрожаемое положение создалось на Западном, Брянском и Юго-Западном фронтах. Противник продолжал непрерывно увеличивать количество войск на советско-германском фронте. Красная Армия дерется героически, но силы далеко не равны.

— Значит, Харьков не пал?

— Конечно, нет.

— Надо помогать, надо скорей помогать, — озабоченно произнес Михайленко. — Где твой багаж? Далеко от города?

— Километров десять-двенадцать.

— Дорогу помнишь?

— Да. Хоть сейчас покажу.

— Нет. Надо переждать сутки-двои. Нельзя быть уверенным, что твой самолет не был замечен немцами или полицияями.

Чтобы меньше было подозрений, за рацией, питанием к ней и еще кое-каким багажом Михайленко и Ася поехали утром, когда совсем рассвело. Филипп Андреевич в потертом кожаном пиджаке и в кожаной фуражке молча правил лошадь. Ася тряслась на большом дощатом ящике, брошенном на повозку. У выезда из города их остановил патруль.

— Куда? — спросил высокий тощий немец.

— Яйки либен? — в свою очередь задал вопрос Михайленко и показал пропуск.

— Да, да — ослабился унтер. — Яйки — гут.

Проселочная дорога была тиха и пустынна.

— А ты знаешь историю Ахтырки? — неожиданно спросил Филипп Андреевич. — Еще в 1641 году здесь был основан сторожевой пост. Оборонялись от набегов разной нечисти. Да, ровно триста лет назад. — Михайленко, не спеша, подробно рассказывал Асе о своем родном городе. Так, за разговором незаметно они оказались у цели.

— Вон в том лесочке, — показала Ася.

Дорога по-прежнему была пустынна. Они свернули в сторону и через пять минут тронутая первым холодком, но все еще густая листва дубравы прикрыла и лошадь, и повозку.

Багаж нашли быстро. Ценный груз бережно опустили на дно ящика, прикрыли его стружками, а сверху в три слоя уложили яйца, предусмотрительно захваченные из Ахтырки.

— Маловато заготовили, — усмехнулся Филипп Андреевич. — Ну, ничего, авось, сойдет.

...В двенадцать часов Ася вышла на связь. Рацию она развернула на чердаке. Михайленко караулил возле хаты. Разведчица особым кодом сообщила, что добралась благополучно и приступает к выполнению задания. Но не удержалась, попросила принять важные сведения, припасенные Филиппом Андреевичем, хотя в первую передачу этого и не требовалось. Михайленко сообщил точные данные о двух крупных группи-

ровках противника, концентрирующихся на дальних подступах к Харькову.

Свернув и спрятав в надежное место рацию, Ася показала на дворе, Филипп Андреевич тихо, одними губами спросил:

— Все в порядке?

Радистка кивнула.

— Значит, скоро наши бабахнут...

— Ахтырка — сторожевой пост, — так же тихо сказала разведчица и вдруг ощутила в себе радость: пусть там, далеко, знают, что не ошиблись в ней, оказав такое доверие.

И снова вспомнилось...

«Я НЕ МОГЛА ПОСТУПИТЬ ИНАЧЕ»

Конец июня сорок первого. Москва. Дзержинский районкомат.

К столу, за которым сидит военный с усталыми глазами, подходит хрупкая девушка и молча подает тетрадный лист, на котором написано всего несколько строк.

— Сколько же вам лет? — Видимо, здорово надоело ему день-деньской отбиваться от мальчишек и девчонок, желающих во что бы то ни стало попасть на фронт.

— Мои ровесники уже там, — твердо произносит девушка. — И мое место рядом с ними.

— Ого! — оживился военный. — Присаживайтесь. Школа радистов. Так, так... В Заполярье, значит, метили?

— Да. Но теперь я сделала другой выбор. Не отправите — уеду сама.

— Верю, охотно. Минуточку. — Он куда-то вышел, прихватив заявление Любы Лебедевой. А она в это время мучительно думала: возьмут или нет?

Через несколько минут военный вернулся. Уже по тому, что он не отдал заявление, а положил в папку, Люба поняла — есть надежда. Но радость была преждевременна.

— Зайдите через недельку.

— Как?! Не могу же я, когда...

— Не горячитесь, девушка. Все приходит в свое время для того, кто умеет ждать.

О посещении военкомата Люба домой не написала, просто через неделю снова пришла в ту же комнату. Ее встретил тот же военный. Узнав девушку, улыбнулся:

— Так вот, милая моя вологжанка...

Учиться в спецшколе Любе Лебедевой было легче, чем другим. Как-никак, радиодело она уже знала. Поэтому налегала на спецдисциплины, совершенствовалась в немецком языке. Спустя какое-то время, она написала матери, что вступила в Красную Армию.

«Дорогая мамочка! Я не могла поступить иначе, — писала Люба. — Прошу тебя, пожалуйста, не беспокойся. Ведь ничего страшного нет. Не думай и не плачь, береги свое здоровье...

Сегодня мы принимаем военную присягу. Я теперь полностью военный человек. Вот и у нас в семье появились военные люди. Не беспокойся, еще раз прошу...».

Письмо получилось длинное. Ведь так хотелось знать о многом: о судьбе подруг, односельчан... Написала она и сестрам, просила их не беспокоиться и помочь матери заготовить на зиму сено для коровы... С особой гордостью и радостью сообщила о своем решении другу — он уже дрался с фашистами на одном из фронтов.

В напряженной учебе время летело быстро. Письмо за письмом шлет Люба домой и на фронт. В одном из них она сообщает матери о встрече в Москве с подругами, в другом — о том, что выдали шерстяное платье, туфли на высоком каблуке, темно-синее пальто...

Наконец наступил день, которого Люба так ждала.

«Дорогие мамочка и Шура!

В данный момент нахожусь в Москве. Дачу пришлось оставить... Вчера сдала экзамен за весь период учебы. На «отлично». Волнуюсь, даже не придумаю, что писать. Ходила на Северянку проведать подруг. Ведь не видела их полтора месяца.

Мамочка, пожалуйста, обо мне не беспокойся. Ведь подумай, так много девушек сейчас на фронте — сестрами и шоферами, бойцами и радистками... Шура, помогай маме во всем. Не спорь. Живите дружнее. Только бы скорей прикончить озверелого Гитлера. Ну, всего наилучшего. Целую крепко

Ваша Люба.

Послезавтра день моего рождения. Мне 20 лет. Пишем пока не пишите, они, наверно, меня не застанут.

9 сентября 1941 года.

Свой день рождения Любовь Вячеславовна Лебедева, разведчица-радистка, встретила в разведотделе Юго-Западного фронта. А потом, спустя некоторое время, ее забросили с самолета в черную ночь Сумщины.

ЛЮДИ И ЗВЕРИ

С тех пор, как в Ахтырке появилась разведчица-радистка, на железнодорожную станцию участились налеты нашей авиации. Самолеты прилетали тогда, когда задерживались или разгружались немецкие военные эшелоны. Кроме того, рядом с городом пролегла автострада Сумы—Харьков. По ней к линии фронта двигалась артиллерия, танки, автомашины с солдатами и различными грузами.

Ася по-прежнему жила у Филиппа Андреевича. Из дома она не выходила вот уже месяц. На свежем воздухе, во дворе, появлялась только с наступлением темноты. Сведения, которые по вечерам передавал ей Михайленко, были ценными. Радистку благодарили и просили беречься. Разведчица знала, что Филипп Андреевич собирает данные не один.

Передачи она вела только после двенадцати, в условленное время. И тогда она была уже не Люба и не Ася, а Лили.

Вести с фронтов шли нерадостные. Гитлеровцы рвались к Москве. Войска Юго-Западного фронта оставили Харьков... Но в боях с Красной Армией враг понес серьезные потери: это можно было определить по эшелонам с ранеными, следовавшими в Германию. Немалые потери имела фашистская армия и от партизан. На территории Сумщины действовали подпольный обком и райком КП(б)У, 146 первичных партийных организаций. С приходом оккупантов было создано тридцать пять партизанских отрядов. Позднее они стали ядром партизанских соединений, которыми командовали прославленные командиры Ковпак, Сабуров, Наумов и Мельник.

Партизаны наносили ощутимые удары по врагу: летели под откос эшелоны, взрывались казармы. Сопротивление народа росло.

Вскоре ахтырчан потрясло очередное зверство гитлеровцев и их пособников — предателей Родины,

В окрестных селах и лесах в то время действовал небольшой отряд партизан, которым командовали братья Горобец. В неравном бою с карателями все партизаны погибли. Фашисты и полицаи зверски надругались над их трупами: выкололи глаза, отрубили руки, на спинах выжгли звезды. Но и этого показалось мало. Раздетые трупы повесили в центре города на деревьях. А назавтра в местной немецкой газете «Голос Ахтырщины», которую редактировал ярый националист, изменник Родины Яценко, было объявлено, что повешены бандиты и грабители. Это был подлый прием — представлять патриотов в глазах местного населения ворами и разбойниками. Гитлеровцы жгли села, убивали жителей, особенно активистов, а сваливали вину на партизан.

Из рассказов Михайленко разведчица знала, что в полиции служит около шестидесяти человек, большинство которых составляют местные жители. «Добровольной сволочью» называли их ахтырчане. Начальником полиции был некий Емельянов, уголовно-политический отдел возглавлял всем известный в городе прощелыга Петька Говорун, а замещал его Ванька Дыбарский. Полиция и гестапо размещались в одном здании. Что там творится, Филипп Андреевич не знает. Из гестапо и полиции одна дорога — в овраг на заднем дворе городской мельницы.

— Проникнуть бы в гестапо, войти в доверие, поработать там кому-либо из своих, — мечтала Ася.

— Ну, это из детективного романа, — охлаждал ее пыл Михайленко.

Но несбыточной, казалось бы, мечте советской разведчицы в скором времени суждено было осуществиться. И все произошло при весьма непредвиденных обстоятельствах. Более того, Ася сама проникла в волчье логово.

ДУСЯ ИЗ НАРДОМА

В планы разведчицы вовсе не входило отсиживаться на чердаке, ограничиваясь передачей добытых кем-то сведений. Но было бы опрометчиво сразу открыто появиться в городе и встать на учет в полиции. Ася выжидала. Михайленко же готовил для радистки новую квартиру. Впрочем, выбор у него был не так уж

велик. А о том, что радистке надо перебраться в более безопасное место, у Филиппа Андреевича не было никаких сомнений. Староста сотни Лябах у него уже справлялся: уехала ли родственница в Сумы. Жена Михайленко тоже, видимо, догадывалась, кто такая Ася.

— Тебе своя жизнь — копейка, — чуть не плача, говорила она, — подумай о детях. Ведь всех нас расстреляют.

Однажды Михайленко виновато заговорил:

— Знаешь, Асенька, обстоятельства складываются так, что...

— Догадываюсь, Филипп Андреевич, — не дала договорить разведчица. — Место есть?

— И место, и человек свой, — облегченно вздохнув, ответил Михайленко.

— Далеко?

— Нет. Садовая, шесть. Вечерком провожу.

— А рацию?

— Это моя забота.

Филипп Андреевич проводил Асю до калитки нужного дома.

— Тут. Заходи смело, — сказал он и, не останавливаясь, пошел дальше.

Это был дом, каких в Ахтырке сотни. Кругом плотный забор, во дворе — фруктовые деревья. Два крыльца — значит — и два хозяина.

Ася открыла указанную калитку, постучалась. Сразу же за дверью раздался женский голос.

— Да заходите же, ведь не заперто.

Ася вошла в освещенную десятилинейной лампой комнату, опрятную и уютную. Не успела она назвать себя, женщина предложила:

— Раздевайтесь, Асенька. Я вас ждала. Будем жить втроем. Меня, надеюсь, вы знаете?

— Да, — сказала радистка, — Евдокия Степановна Голубенко. Только прошу, давайте сразу на ты.

— Дуся. Меня здесь все так зовут. И еще — Дуся из Нардома. Людмила! — позвала она. — Накрывай на стол.

Из соседней комнаты вышла девочка лет двенадцати. Пока женщины перекидывались первыми словами, девочка уже ставила на стол чашки.

— Хорошая помощница растет, — заметила Ася.

— Молодец она у меня. Хотя и без отца, но в обиду мы себя не даем. Так уж получилось: любила одного, сватался другой, а вышла за третьего. Прогнала — не сошлись характером. — Хозяйка квартиры весело рассмеялась.

Смех, улыбка Голубенко, вообще весь ее облик вызвали расположение. Она была повыше Аси ростом и лет на десять старше. В Ахтырке Дусю знали очень многие. Красивая хохотунья часто выступала на сцене, при случае за словом в карман не лезла, в общем умела за себя постоять. Но мало кто догадывался, что за веселым нравом скрывалась недюжинная сила воли, решительность и презрение к смерти.

Скоро Людмила ушла спать. Беседа двух женщин затянулась.

— Итак, ты моя двоюродная сестра Ася, — говорила Голубенко. Из Харькова. Нет, вправду, у меня была сестра. Знакомые знают. Ее сейчас там нет, эвакуировалась, а дом, где жила, разрушен бомбой. У тебя ничего не спрашиваю. Найдешь нужным — расскажешь сама. Железнодорожная станция — вот мой объект. Стираю на дому. Заказов много, — холостяки, больные, полицаи, немцы. Предпочтение отдаю клиентам, живущим на станции и вблизи ее. Дочка всегда со мной. Однажды шел эшелон, я пропустила его и случайно сказала вслух: «Двадцать танков». А она, Людмила-то, поправляет: «Нет, мама, двадцать два».

— Не проговорится?

— Нет. Не должна. Одно плохо — пристают ко мне, особенно полицаи. Оружие у тебя есть?

— Пистолет.

— Спрячь понадежней.

— Где будем хранить рацию?

— А вот. — Голубенко встала, подошла к печке, отодвинула сундук, сдернула коврик и приподняла аккуратно выпиленный квадрат пола. — Место надежное. Рацию скоро доставят. Кстати, у меня уже кое-что есть. С Филиппом Андреевичем встречаться больше не будем.

Через двое суток, под вечер, у квартиры Голубенко остановилась подвода.

— Хозяйка! — крикнул коренастый хлопец. — Тебе дрова?

— Да, мне, — отозвалась Дуся.

— Тогда помогай разгружать.

Помочь вышла и Ася. В хлопце она узнала сына Михайленко.

А еще через сутки, в двенадцать ночи, с чердака дома номер шесть по улице Садовой была отправлена в эфир закодированная радиограмма. В конце ее стояло «Лили».

ДВАЖДЫ ДВА — КОВАНЫЙ САПОГ

Три дня в Ахтырке валом валил снег. Все кругом побелело: улицы, дома, деревья, заборы. Тяжелые снежные шапки клонили к земле ветки осокорей, вязов, яблонь и редких берез. Ася ходила и радовалась: глубокий снег и легкий морозец напоминал далекую родину. Вот уже несколько дней она открыто разгуливала по городу, знакомясь с улицами, парками, скверами, все изучала и запоминала.

Радовало разведчицу еще и то, что ей разрешили проживать в городе, поставили на учет и выдали соответствующий документ. О том, как Ася ходила в полицию, Дуся просила рассказывать еще и еще и каждый раз заливисто смеялась.

— Так этот сморчок и сказал: «Дуськи из Нардома сестра?» — переспросила Голубенко. — А потом?

— Не ужиться, говорит двум красоткам под одной крышей. Глаза друг другу из-за ухажеров выцарапаете.

— Вот свинья.

— Он тебе знаком?

— Многих знаю. Там и тот служит, который сватался. Заместитель начальника уголовно-политического отдела. Чирьяк. Ох, раздавить бы его.

И Дуся, всегда веселая Дуська, побледнела, пальцы ее, огрубевшие от каждодневной стирки, сжались в кулаки.

— Мама, не надо! — крикнула Людмила.

Ася впервые видела подругу такой.

— Садись, расскажу, — придя в себя, сказала Голубенко. — Он не местный, из Днепропетровска. Как появился в Ахтырке — не ведаю. До войны занимал

ответственную должность. Любил ходить в Народный дом, выступал. Признавался потом — из-за меня ходил. Год моей тенью был. Но не лежала к нему душа. Потом просто возненавидела. Теперь знаю — почему.

Дуся смолкла. Ася видела, что ей тяжело ворошить прошлое.

— За полмесяца до прихода немцев он исчез, — продолжала Голубенко. — Встретила его на третий день оккупации. В форме полица, довольный, улыбающийся. Подошел, поздоровался.

— Не рада? — спрашивает.

— А я думала, что ты ушел в лес, — вырвалось у меня.

— Ты думала, что дважды два — четыре, а выходит — кованый сапог.

— Вижу, сапоги на тебе кованые, немецкие.

— Забудем прошлое, надо жить настоящим.

— И будущим.

— Я думал, встретил Дуню, а выходит — Евдокию Степановну. До более теплой встречи!

Голубенко замолчала.

— Теперь встречаешь?

— Проходу не дает.

— Как его фамилия?

— Дыбарский. Иван Иванович Дыбарский.

— Дуся, этот человек нам очень нужен, — спокойно сказала разведчица.

— Зачем же?

— Слушай меня внимательно...

...Дыбарский пришел вечером. Молча поставил на стол две бутылки самогона.

— Грабленный? — спросила Дуся.

— Реквизированный.

— Это все равно.

— Дала согласие — готовь закуску, — примирительно сказал Дыбарский. — Как говорится, забудем старое, устроим прежний лад.

Полицай уже был изрядно «на взводе». Ася это сразу заметила, когда вышла из соседней комнаты. Был он среднего роста, низколобый и угрюмый.

— Моя сестра Ася, — сказала Голубенко.

Дыбарский скоро напился, и Дуся без церемоний выпроводила его на улицу.

— Дуся, не можешь ли ты с ним вести себя поаккуратней? — спросила разведчица.

— Ох, Ася, противно-то до чего!

— Потерпи.

— Хорошо. Попробую.

Заместитель начальника отдела полиции с тех пор стал частенько бывать на Садовой. И всегда выпивши.

— Туговато, видать, живете, — кивнул он однажды на картошку с луком.

— Туже некуда. Работаю одна. Хотя бы помог сестре устроиться куда-нибудь.

Дыбарский вскинул на Дусю глаза:

— Ты это серьезно?

— Конечно.

На второй день Дыбарский пришел раньше обыкновенного, но, как всегда, нетрезвый.

— В фельдкомендатуру требуется уборщица, — уходя, безразлично сообщил он. — Работа пыльная и безденежная. Если сестра согласна, пусть завтра приходит.

«Так ведь это гестапо, гестапо...» — Сердце разведчицы забилось радостно и тревожно.

В ЛОГОВЕ

Вот уже месяц разведчица работает в гестапо. На новую уборщицу, казалось, никто здесь не обращал особого внимания. Отправляясь в фельдкомендатуру, Ася надевала черную юбку, латаную кофточку, по бабьи повязывала платок. На работе, словно бы невзначай, пачкала себе лицо.

Прежде чем вытряхнуть мусорные корзины, Ася бегло просматривала их содержимое: бумажки, записки, все что могло представлять маломальский интерес, прятала за пазуху. На работе Ася старалась задерживаться подольше, стремясь по обрывкам фраз понять замыслы врагов. Так ей удалось однажды предотвратить расправу над патриотами села Большая Писаревка. Каратели прибыли туда, когда патриотов уже и след простыл.

Кабинет шефа гестапо Дымлера прибирали солдаты комендатуры. Однажды, обнаружив дверь открытой, она смело вошла. Приблизившись к столу, услы-

шала: сзади щелкнул дверной замок. Почувствовала за спиной кто-то стоит. Не оборачиваясь, она старательно обтерла стол, вытряхнула окурки из пепельницы и взялась за корзину.

— Одну минуту, фройлен.

Ася обернулась:

— Доброе утро.

Широко расставив ноги и заложив руки за спину, перед нею стоял сам Дымлер.

— Зачем вы сюда зашли? — на чистом русском языке спросил гестаповец.

— Так ведь уборка же, — удивилась Ася.

— Разве не знаете, что здесь убирают мои солдаты?

— Нет, — пожала плечами разведчица.

— Хорошо. Если нравится, можете и впредь убирать тут. У вас лучше получается. Но будете делать это в моем присутствии.

Дымлер подошел к Асе, приподнял пальцем ее подбородок, пристально посмотрел в глаза.

— Ну-ну...

Шли дни, недели, Ася работала в гестапо. Дуся Голубенко стирала. Ее зеленое пальто часто можно было видеть на ближайших к станции улицах. Филипп Андреевич по-прежнему развозил по городу различные грузы. В его обязанности входило держать под наблюдением автостраду: сколько и какой живой силы противника, танков и артиллерии движется к линии фронта. Добытые сведения он прятал в тайник, который был устроен в разбитом бомбой доме номер один по улице Менжинского. «Почту» из тайника забирала Дуся.

На связь со своими Ася выходила ночью, после двенадцати. Мать и дочь Голубенко в это время стояли на страже: одна у окна, выходящего с веранды на улицу, вторая — у лестницы на чердак.

Особенно ценные сведения поступали от Михайленко. Так, он сообщил однажды о дислокации крупной вражеской части в одном из сосновых лесов, в стороне от Ахтырки. Радистка сообщила координаты. В результате налета нашей авиации немцы были разгромлены.

К апрелю 1942 года положение наших войск на

фронтах заметно улучшилось. Враг получал ощутимые удары, кое-где откатывался назад. Патриотическая группа в Ахтырке продолжала действовать. На Сумщину властно шагнула весна. Но она принесла разведчикам и несчастье.

РОКОВОЙ АПРЕЛЬ

По реке Ахтырке, казавшейся сонной даже в половодье, плывут бурые с синими пятнами льдины. Ослепительной белизны облака отражаются в разводьях, и от этого кажется, что вся река забита льдом.

Нерадостно на душе у Аси в это чудесное апрельское воскресенье. Она сидит на берегу Ахтырки и думает невеселую думу. Несколько дней назад у рации кончилось питание. Запасные батареи были спрятаны в сарайке. Придя туда, Ася, к своему ужасу, обнаружила, что они пришли в негодность. Солнце растопило на дырявой крыше снег, талая вода, стекая, попала на батареи, и они размокли вконец.

Рация замолкла. Так, впервые за шесть долгих месяцев, разведчица не вышла на связь. «Где найти питание, где?» — этот вопрос не давал ей покоя. Сообщили о несчастье Филиппу Андреевичу. И вот впервые за эти месяцы, что радистка жила у Голубенко, Михайленко приехал сюда лично. Привез дрова. Разведчики перекинулись буквально несколькими словами. «Будем искать. Связь сейчас нам особенно нужна», — сказал невозмутимый Филипп Андреевич.

Ждут сведений из Ахтырки и в разведотделе фронта. Ставка Верховного Главнокомандования дала указание о подготовке наступательной операции на харьковском направлении. План операции предусматривал нанесение двух сходящихся ударов: одного — из района Волчанска и другого — из Барвенковского выступа в общем направлении на Харьков.

Не дремал и противник. В армейскую группу «Клейст» и в местную армию шли все новые и новые пополнения. Сколько же их прошло через Ахтырку? Это было важно знать. А Лили молчит. Что случилось?

И вот в ночь с двенадцатого на тринадцатое апреля 1942 года с одного из аэродромов поднялся само-

лет, держа курс на Ахтырку. На его борту разведчики — Кощев и Попов. У них оружие, рация и запасное питание. Миновали линию фронта. Вот и Сумщина. Еще несколько минут полета, и по команде разведчики выбрасываются в темноту.

Но что это? Внизу, на лесной поляне, появились ослепительные вспышки. Фашисты! Да, это были они. Стряд гестаповцев и полицаев, возвращаясь из очередной карательной экспедиции, случайно обнаружил пролетающий советский самолет. Заметили враги две снижающиеся точки и открыли по ним огонь.

— Не стрелять! Брать живыми! — заорал обер-лейтенант.

Прежде чем коснуться земли, Кощев достал пистолет и приставил к виску...

Попов же, все еще не терял надежды, что сможет уйти, отстреливался. Но патроны быстро иссякли. Тогда он достал лимонку, вырвал из нее предохранительное кольцо и, шатаясь, истекая кровью, пошел на врагов. Раздалась беспорядочная стрельба, ахнула граната и все смолкло.

Трупы разведчиков привезли в гестапо. И тут Попов подал признаки жизни.

— Спасти! — заорал Дымлер.

Двое суток Попов не приходил в сознание, бредил, бился о цементный пол головой. И вот в этом-то состоянии у него вырвались слова: «Садовая, 6».

...Разведчиц арестовали только через пять суток. Все это время за ними велось строжайшее наблюдение. Ни Ася, ни Дуся об этом, конечно, не догадывались. Дуся один раз наведлась к тайнику. После нее там побывал и Михайленко.

Дом Голубенко был окружен со всех сторон. Свыше сорока гитлеровцев и полицаев участвовали в этой операции. Обыск длился около трех часов. Пол в комнате был разобран, рация уже стояла на столе. Дошла очередь до стен. Посыпалась штукатурка. Скоро к рации присоединились Асин пистолет и три паспорта на разные фамилии, но с одинаковой фотокарточкой. Ася и Дуся молча стояли в наручниках, под наведенными на них автоматами. Только однажды, когда в комнате появился Дыбарский, Дуся не выдержала:

— И ты здесь, дважды два — кованый сапог?

Асю и Голубенко увели, не забыв прихватить Людмилку, и ничего не ведающую соседку Олимпиаду Кирилловну Котляр, занимавшую вторую половину дома.

В ту же ночь и в тот же час захлопнулись двери мрачных камер гестапо и за всеми членами семьи Филиппа Андреевича Михайленко.

СО СМЕРТЬЮ НА «ТЫ»

На допросы их вызывали поочередно. Сначала Дуся, потом Асю, последним Филиппа Андреевича. Сидели они в разных камерах и, естественно, не могли договориться, как вести себя перед палачами.

— Итак, вы отрицаете, что являетесь разведчицей Красной Армии? — вкрадчиво начинает Дымлер. — Впрочем, это и так ясно, — кидает он взгляды на рацию и пистолет. — Скажите сначала, который паспорт настоящий?

— Не знаю, — твердо произносит Ася.

— С кем связаны? Задание?! — кричит начальник полиции Емельянов.

Радистка молчит.

— Ганс!

В кабинете появляется гестаповец.

— Она не слышит вопроса. Прочисти ей уши.

Очнулась Ася в камере, на цементном, промерзшем полу. Темно, тихо.

— За что они тебя, милая? — склоняется над девушкой женщина с изможденным лицом.

Ася трясет головой.

Дуся и Михайленко тоже молчали. Допросы велись каждый день. На них присутствовали Дымлер, Емельянов, начальник уголовно-политического отдела полиции Говорун, редактор фашистского листка «Голос Ахтырщины» Яценко и другие. Но патриоты по-прежнему молчали.

И вот очная ставка.

— Надеюсь, вы знакомы друг с другом? — ни к кому в отдельности не обращаясь, спрашивает Дымлер. — Еще бы нет, — улыбается гестаповец. — Нам все ясно: группа. Но кто еще входит в нее?

— Если ясно, то зачем спрашиваете? — бросает Михайленко. За эти дни он страшно исхудал, зарос, но

держался твердо. Побои и пытки не сломили патриота. Казалось, он весь был налит ненавистью к оккупантам.

— Советую поразмыслить о том, что вас ожидает, — цедит Дымлер.

— Не пугайте. Мы уже давно живем со смертью на «ты», — отвечает Филипп Андреевич. — Знали, на что шли.

— Увести!

В эту короткую встречу Ася передала свое новое черное пальто Голубенко, шепнув: «Пошли Люде». Дочку Дуси выпустили: «Что взять с девчонки?» Освободили и семью Михайленко.

«Неужели сыны не догадаются скрыться, — мучительно размышлял Филипп Андреевич, сидя в одиночной камере. — Ведь от зверей всего можно ожидать».

В половине десятого вечера глазок в камеру, в которой сидела Ася, чуть приоткрылся, и кто-то тихо сообщил:

— На утро назначен расстрел. Может, что напишешь, девушка?

Перед дверью упал крохотный листочек из блокнота и огрызок карандаша.

Писать разведчица отказалась: некуда здесь и некому. А Дуся писала: «Дочь моя! Расти счастливой, умной, любимой всеми. Когда не станет твоей мамочки, то ты не думай о ней ничего плохого. Ты молодая, тебе надо жить и быть полезной людям.

Доченька! Передаю тебе пальто, перешей его к зиме. Деньги, десять рублей, мне теперь тоже не нужны. Живите с тетей Марией. Помни меня.

Прости, дитя, что я погибла. Целую крепко. Твоя мама».

Ночью Ася разбудила женщину, с которой сидела в камере, и горячо зашептала:

— Если останешься живой, то сообщи моей маме о том, что ее дочь...

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В конце марта 1967 года в Государственный комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров Союза ССР пришло несколько необычное

письмо. В нем Елизавета Ульяновна Историкова, проживающая в городе Харькове, сообщила о том, что в апреле 1942 года в одной с нею камере гестапо города Ахтырки Сумской области сидела молоденькая радистка, которую все звали Асей. Это была красивая, на редкость твердая решительная девушка.

Несмотря на ежедневные, ежечасные допросы фашистов, пытки, голодовки, Ася не теряла бодрости духа, не выдала никого из товарищей.

«Где-то перед Первым мая 1942 года, — писала Историкова, — Ася, зная или предполагая, что ее фашисты расстреляют, открылась мне. Открылась с тем, чтобы я сообщила матери о ее смерти. И вот вскоре Асю увели. Куда? Не знаю. Скорей всего туда, откуда еще никто не возвращался...»

Полтора-два месяца спустя Историкова вышла из камеры полуослепшей и — что самое страшное — душевнобольной.

Неудивительно, что после всего пережитого. Историкова на долгие годы забыла об Асе. И только в марте 1967 года наступило просветление, память медленно стала возвращаться к ней. И первое, о чем она вспомнила, были кошмары гитлеровской оккупации, Ахтырка, гестапо, Ася...

Но фамилию, отчество, место рождения Аси Историкова так и не могла вспомнить. Со слов разведчицы она запомнила только, что та была откуда-то с Севера, в Ахтырке поддерживала связь с одноглазым женщиной и официанткой, у которой была дочь.

«Может, Ася каким-то чудом осталась жива, — заканчивала свое письмо Историкова. — Может, где-то работает сейчас. А если ее тогда... Надо найти Асю, живую или мертвую. Она была настоящей героиней и патриоткой. Такие люди при жизни заслуживают чести, а после смерти — памятника».

Государственный комитет по радиовещанию и телевидению заинтересовался письмом и направил его в Ахтырский районный комитет партии с просьбой выяснить судьбу Аси и ее друзей, с которыми она работала.

Нелегкой оказалась задача. В решение ее включились многие люди — партийные и советские работники, милиция и сотрудники УКГБ Сумской области.

Прошло три месяца. И вот в июне 1967 года первому секретарю Усть-Кубинского райкома КПСС Вологодской области Никону Павловичу Сучкову пришло письмо следующего содержания:

«Ахтырский райком КП Украины Сумской области сообщает, что с сентября 1941 года по май 1942 года, в период временной оккупации немецко-фашистскими захватчиками Ахтырского района, в Ахтырке на подпольной работе была уроженка Вологодской области, Усть-Кубинского района, села Новое Лебедева Любовь Вячеславовна, русская, из семьи служащих, образование среднее, перед войной училась в Москве в школе метеорологии и связи при Главсевморпути.

В ночь с 18 на 19 апреля 1942 года Лебедева Любовь Вячеславовна и члены подпольной группы, в которую она входила, были арестованы фашистами, а через некоторое время расстреляны.

Ахтырский райком КП Украины просит выяснить подробные биографические данные о Лебедевой Л. В. через ее родных и знакомых и выслать в наш адрес.

Мы также просим выслать нам ее фотографию, чтобы увековечить ее память, как разведчицы-радистки, отдавшей свою жизнь в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками за защиту Советской Родины.

*Секретарь Ахтырского райкома КП Украины
Н. ГРИСЕНКО.*

Тут же был послан ответ.

„Город Ахтырка, Сумская область, ул. Октябрьская, 11.

Секретарю Ахтырского райкома КП Украины тов.

ГРИСЕНКО.

Ваш запрос о нашем уважаемом друге Любе Лебедевой глубоко взволновал нас, ее друзей, которые остались в живых после войны и сейчас работают в нашем районе.

Наше волнение понятно, ибо 25 лет мы ничего не знали о судьбе Любы.

Любовь Лебедева вместе с нами окончила Усть-Кубинскую среднюю школу в 1940 году. Училась она хорошо, была одной из лучших учениц школы, активное участие принимала в общественной работе, была настойчива и трудолюбива, серьезно относилась к выполнению поручений комсомольского комитета. Она хорошо поставила пионерскую работу в одном из классов, сплотила ребят, увлекла их на интересные дела, и весь класс стал пионерским...

После окончания школы она уехала учиться в Москву. Наши письменные связи оборвались в конце 1941 года. В одном из писем она сообщала, что не может стоять в стороне от защиты Родины, должна принять более активное участие в обороне страны, а для этого поступила на курсы по подготовке военных специалистов.

В последнем письме Люба сообщила, что идет на выполнение специального задания, возможно, долго задержится, и просила ей не писать до получения от нее следующего письма. Но этого письма так и не последовало... Я часто читал ее письма в 1941 году, при отступлении, своим товарищам по оружию. Они восхищались ее мужеством, твердостью и верой в нашу победу. Эти теплые, патриотические письма поднимали дух друзей, и драться с врагом было легче... У меня лично сохранились ее фотографии школьных лет. Две из них высылаю. Не удивляйтесь, что на одной из них, на обратной стороне, карандашом сделана надпись о ее гибели в 1942 году.

• Дело было так.

От Любы очень долго не было писем после того, как она ушла на задание. Я написал ее родственникам, которые сообщили, что она пропала без вести, а где, когда, при каких обстоятельствах — ничего не знали. Но я был уверен, что такой человек не может изменить Родине и если погиб, то только смертью храбрых. Вот так и появилась эта надпись...

Мы тоже увековечим ее память».

...У подножия белого обелиска, что стоит в центре Ахтырки, не увядают живые цветы. Шелестят листвою седые вязы. Золотыми буквами высечены слова:

*«Здесь покоится прах
замученных фашистскими захватчиками
патриотов-подпольщиков.*

*ГОЛУБЕНКО Евдокия Степановна
ЛЕБЕДЕВА Любовь Вячеславовна
МИХАЙЛЕНКО Филипп Андреевич*

ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ!»

Вот и все о Любе Лебедевой, которую в Ахтырке знали как Асю, о ее боевых друзьях. К рассказанному следует добавить, что живы дети Михайленко, они имеют свои семьи. На одном из заводов Харькова работает Людмила Михайловна — дочь Евдокии Степановны Голубенко. Она замужем и носит другую фамилию. Здравствуют и родные отважной разведчицы — мать и сестры.

ВАСИЛИЙ — РУССКИЙ РАЗВЕДЧИК

(Документальный рассказ)

1

Накануне верный словак с ближайшего лесного кордона сообщил:

— По слухам, в городок из Германии прибыло много войск. С танками и артиллерией. Что-то копают в земле, арестовывают местных жителей. На площади строят виселицы...

— Хорошо, проверим, — сказал командир.

Ночью группа, оставив землянку в глухом лесу, вышла на задание. Сообщение лесника подтвердилось — передислоцировалась целая немецкая дивизия. Вероятно, для возведения будущей обороны против наступающих на Восточном фронте советских войск и борьбы с партизанами. Попутно разведчикам удалось засечь два фашистских эшелона — один с живой силой и один с техникой, — проследовавших к линии фронта.

Эти важные сведения нужно было срочно передать в Центр. На этот раз Василий развернул свою рацию на окраине небольшого словацкого сельца, от которого до заросших лесистых холмов, предгорий Карпат, рукой подать. Выброшена антенна, подключено питание и в эфир полетели известные только в одном месте, где-то на территории Советского Союза, позывные.

— Есть связь, — сообщил Василий командиру, которого все девять советских разведчиков называли просто — Александр.

— Передавай...

Точка... тире... точка...

Неожиданно на другом конце сельца раздались сухие трели автоматных очередей. В населенный пункт ворвались фашистские каратели. Разведчики быстро заняли оборону и открыли прицельный ответный огонь.

— Вот радиограмма, — сунул командир бумажку Василию. — Продолжай работать. Я вступаю в бой.

Василий, не прекращая передачи закодированной радиограммы, придвинул поближе автомат. Выстрелы

ближе и ближе... Пули уже вздыбливают серую дорожную пыль в каких-нибудь пяти-шести шагах от рации.

Но вот сеанс закончен. Василий быстро собрал рацию, откинул прилипшую ко лбу черную прядь волос и дал короткую очередь из автомата.

— В лес!

Через несколько минут разведчиков и след пропал.

2

Сухопарый седеющий оберст со сросшимися на переносице густыми бровями нервно прошелся по кабинету, потом оперся костлявыми пальцами о стол и, не глядя на вытянувшегося перед ним обер-лейтенанта, вкрадчиво спросил:

— Вам известно, что вот уже три месяца у нас под носом действует группа русских разведчиков, сброшенных с самолета?

— Так точно...

— А вам известно, что эти русские знают каждый шаг наших войск?

— Так точно, господин...

— Может, вам известно и то, — со злостью перебил обер-лейтенанта полковник, — что не далее как вчера советские самолеты разбомбили аэродром под Братиславой, вероятно, по разведанным этим русскими?

— Господин полковник, они неуловимы, как призраки. Сколько ни гоняемся... Местное население им помогает... Особенно в лесах...

— Знаю. Всех заподозренных в помощи партизанам и русским расстреливать. Лесные кордоны сжигать, лесников вешать на первом попавшемся дереве. Призраки, — усмехнулся оберст. — Вашей контрразведке надо поучиться работать у этих призраков. Что вы намерены предпринять?

— В группе русских должен быть наш человек. По слухам, они свои потери пополняют из чехословацкого партизанского отряда, а в него мы послали...

— Действуйте, — внимательно выслушав обер-лейтенанта, сказал полковник. — Только быстрее.

Неумолчно нашептывает какую-то тайну осенний лес. Любит Василий в редкие часы отдыха прислушаться к его невнятным шорохам. Он лежит в землянке на жестком ложе из елового лапника, а мысли витают далеко-далеко, в родном краю...

Да, есть на Вологодчине Кадуйский район, а в нем в два посада деревушка Судаково, окруженная со всех сторон обомшелым ельником и бронзовым сосняком. В этот лес любил он бегать со своими сверстниками за грибами и ягодами. Частенько лазал на деревья за сорочинными яйцами. Однажды сплхнул мальчонка, упал с дерева, вывихнул ногу, но домой пришел сам, не издав и звука от нестерпимой боли. Думали родители, все пройдет, но сынишка остался хром на всю жизнь.

Из-за этой-то хромоты много пришлось пережить Василию. Когда началась Великая Отечественная война, все товарищи ушли на фронт, бухгалтеру райпромкомбината седой военком отказал.

— Да, я прихрамываю, но бегаю не хуже других, — доказывал Василий. — Знаю винтовку, умею стрелять, бросать гранату...

— Не могу, — отрезал военком.

— Зато я могу и должен воевать, — твердо заявил Василий.

Известно, кто сильно желает, для того нет невозможного. Вот и Василий добился своего. В 1942 году его направили в школу, которую он отлично окончил. Потом один участок фронта, второй... И, наконец, эта последняя выброска в глубокий тыл врага, на оккупированную фашистами территорию Чехословакии. Задание — сбор разведданных о войсках противника.

...Ах, Кадуй, Кадуй... Там сейчас, наверное, вот так же неумолчно шумит лес. Прислушиваются к нему отец с матерью, вспоминают сына, гадают: жив ли? «Жив, жив, бьет фашистов, — мысленно отвечает им разведчик, — только не послать отсюда весточку о себе, как не дойдет и ваше письмо до сына. Откуда вам знать, что в далекой стороне без фамилии, а только под кличкой Василий, сражается с врагом ваш Валентин, Валюшка...»

Внезапно думы Василия оборвали какие-то голоса. Из землянки, схватив автоматы и гранаты, выскочили друзья — Тимофей, Николай и Эдгар. Через несколько минут стало известно, что в поредевшую группу разведчиков прибыло специально отобранное в партизанском отряде пополнение из пяти человек.

4

Пути разведчиков, воистину, неисповедимы. Сегодня они здесь, а завтра там. Точнее, они бывают в том месте, где им надо быть, где для зоркого глаза найдется нужная работа, так необходимая за линией фронта.

После того, как группа пополнилась прибывшими из партизанского отряда, вновь представилась возможность вести разведку шире и интенсивнее. Пятеро партизан были раньше бойцами Советской Армии, в разное время попавшими к немцам в плен и, по их рассказам, чудом избавившимися от фашистской неволи. Все они аккуратно выполняли задания.

Василий по расписанию выходил на связь с Центром, передавал собранные сведения. Он старательно оберегал свою рацию, не подпуская к ней во время работы никого, кроме командира. И ему в этом отношении очень не нравился один из вновь влившихся в группу — Волошин. Этот Волошин во время сеанса радиопередачи, как казалось Василию, умышленно старался находиться поблизости от рации.

— Знаешь, приятель, нельзя ли для прогулок выбирать подальше от меня закоулок, — однажды в сердцах сказал ему Василий.

— А мне казалось... — протянул Волошин.

— Когда моей бабушке казалось, она молилась, — отрезал радист.

Однажды разведчикам удалось добыть такие сведения о противнике, которые нужно было передать без промедления. Быстро вернувшись с задания на очередную лесную базу и дождавшись времени радиопередачи, Василий в землянке развернул рацию, выбросив антенну на высокое дерево. Только он успел войти в связь, как со всех сторон застрочили немецкие автоматы.

— Фашистов до полусотни! — крикнул командир, вбежав в землянку. — Сматывай рацию, будем отходить.

— Временно вынужден прекратить передачу, — сообщил Василий в Центр.

С рацией за спиной, с автоматом в руках, он выскочил из землянки под высокую ель, по которой, сбивая хвою и ветви, хлестали пули.

— За мной! — крикнул командир.

— А антенна? — выдохнул радист.

→ Черт с ней. Береги рацию!

Разведчики сунулись вправо — там были немцы, бросились влево — их встретили автоматные очереди. Кругом был враг.

— Назад, к землянке! — крикнул командир группы. — Будем биться до последнего. Советские разведчики живыми не сдаются.

Подбежав к землянке, разведчики заняли оборону. Они стреляли по врагу на выбор, тщательно выцеливая каждого фашиста.

А Василий в это время быстро развернул рацию, и вот уже в нужное место, в Центр, полетели спокойные слова:

— Продолжаю прерванную передачу... продолжаю передачу...

Бой длился полтора часа. Передав радиogramму, к разведчикам присоединился радист.

— В атаку! За мной! — скомандовал, встав во весь рост, командир.

Это был отчаянный и дерзкий бросок на врага. И он, этот бросок, спас жизнь разведчикам. Фашисты не выдержали удара и бежали из леса.

Когда шум боя затих, командир обвел взглядом оставшихся в живых.

— Эдгар?

— Погиб.

— Николай?

— Погиб.

— Волошин? Где Волошин?

Волошина нигде не оказалось — ни среди живых, ни среди трупов.

— Гад, — сплюнул кровь с запекшихся губ командир. — Не иначе, его поганых рук дело. (Забегая впе-

ред, скажем, что Волошин, сын уральского кулака, действительно оказался агентом гестапо. Впоследствии он был разоблачен и расстрелян).

5

Фашистские полчища натиском Советской Армии неумолимо откатывались на запад. Цепляясь за каждое село, за каждую речушку, они дрались с неистовством обреченных. Гитлеровские генералы бросали против наших войск все новые и новые резервы. И нередко можно было видеть целые подразделения немцев, сформированные из инвалидов, стариков и желторотых юнцов.

Когда советские войска вошли на территорию Чехословакии, группе разведчиков было дано новое задание — отойти дальше в тыл врага. Цель — та же, сбор сведений о противнике.

Советские разведчики относительно благополучно форсировали Грон, Нитру, Галанту, миновали большие и малые города и вышли к предгорьям Малых Карпат. И на всем своем пути они ни на минуту не забывали о враге. Знали, за ними следят, но им каждый раз удавалось отрываться от преследования.

Но однажды, не зная хорошо дороги, группа зашла в узкое, но глубокое ущелье, не имевшее второго выхода. Это был как бы каменный мешок. Когда разведчики повернули назад, в том месте, где мешок завязывается, обнаружили группу преследовавших их фашистов.

— Они нас не заметили, — сказал командир, — и, по-видимому, не знают, что сюда ведет единственный вход и выход. Фашисты долго ли, коротко ли влезут в этот мешок, а мы его завяжем.

Разведчики вскарабкались на скалы, а когда преследователи двинулись по дну в глубь ущелья, Василий и два его товарища, цепляясь за уступы, медленно стали пробираться к горловине мешка. Фашисты скоро поняли свою ошибку, но было поздно. Со скал в них полетели гранаты, оставшиеся в живых бросились к выходу, а тут-то как раз и лежал за пулеметом Василий.

— Ура! — крикнул он. — Смерть фашистам!

На другой день гитлеровцы вынесли из ущелья около сорока трупов своих солдат.

Смелый рейд разведчиков по заданному маршруту продолжался.

6

Давно отгремели жаркие бои, отпыхали огни-пожарища. Бывшие воины вновь заняты мирным трудом. Вернулся к нему и Василий. Он, как и все бывшие фронтовики, часто вспоминает суровые походы и своих товарищей по оружию. Да, не всем суждено было вернуться домой. Спят вечным сном в разных концах чешской земли семеро его боевых друзей-разведчиков. Память о них нетленна.

Указом Президиума Верховного Совета СССР орденами и медалями Союза ССР была награждена большая группа отличившихся в боях офицеров, сержантов и рядовых войск органов Госбезопасности. Среди них ордена Красной Звезды удостоен главный бухгалтер Череповецкого рыбокомбината Валентин Иванович Зимин.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕВЕРНЫЕ БЫЛИ

Комиссар Иванов	4
Хлеб	7
Операция «Казарма»	11
«Черные птицы»	11
Кузница	17
Девять дней сурового года	20
Песня Житнухина	26

В БОЯХ ЗА РОДИНУ

Северянка	34
Василий — русский разведчик	57

Николай Николаевич Задумкин

СЕВЕРНЫЕ БЫЛИ

Редактор **Е. Ф. Богданов**
Художник **О. А. Бороздин**
Художественный редактор **В. С. Вежливцев**
Технический редактор **С. И. Соколова**

ГЕ00829. Сдано в наб. 9. 8. 1971 г. Подп. к печ. 20. 9. 1971 г.
Формат 84×108/32. (Бум. типографская № 3). Физ. печ. л. 2.
Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 3,025. Тир. 15 000. Заказ 5410.
Цена 10 коп.

Вологодское отделение
Северо-Западного книжного издательства.
Вологда, Ветошкина, 37.
Областная типография, Вологда, Калинина, 3.

10 коп.